

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КАМЧАТСКИМ КРАЕМ (1697—1917 гг.)**

Первого июля 2007 г. начинается новый этап в истории Камчатки, связанный с образованием Камчатского края, а 23 июля исполняется 310 лет со дня вхождения Камчатки в состав России. В этот день в 1697 г. В. Атласов поставил на берегу р. Камчатки при впадении в нее р. Крестовой, почти в точном географическом центре полуострова, свой знаменитый крест, явившийся символом российского владения этой землей.

За эти 310 лет Камчатка перенесла множество перемен в управлении и административном подчинении и устройстве. В разное время под Камчаткой понималась территория от собственно полуострова с прилегающими островами до всего Северо-Востока России, включая ныне несколько субъектов Российской Федерации. Камчаткой управляли чиновники из разных отдаленных городов России: Якутска, Охотска, Анадырска, Иркутска, Тобольска, Николаевска-на-Амуре, Владивостока, Хабаровска. Многие решения по управлению Камчаткой принимались в столицах: в Сибирском приказе, Сенате, лично императорами. Эти реформы и частые перемены в управлении нашим краем, имевшие благие цели, принесли больше вреда, чем пользы, что особенно проявилось в многократном сокращении численности коренного населения. Перемены в управлении Камчаткой были связаны с реформами в административном устройстве Сибири, которые проходили часто и нередко хаотично, непродуманно. Один перечень этих реформ говорит о многом.

В XVIII в. российские владения стремительно расширялись на восток, что приводило к необходимости образования все новых и новых административных единиц. В 1720—1730-е гг., то есть за неполные двадцать лет, были присоединены обширные территории от Енисея до Охотского моря. Основной единицей административного деления в России в XVII в. был уезд. К концу XVII в. уездов насчитывалось около ста сорока. Самым обширным по территории являлся Якутский уезд, частью которого в 1697 г. стала Камчатка, находившаяся в его составе до 1731 г.

В XVII в. стали создаваться и более крупные административно-территориальные единицы — разряды, объединявшие несколько уездов. В начале XVII в. в Сибири был один Тобольский разряд. В 1629 г. из него выделился Томский разряд, а из Томского в 1639 г. — Ленский, в состав которого вошли два уезда — Илимский и Якутский. Позднее Илимский уезд отошел к Томскому, а в Ленском к концу XVII в. появились Иркутский и Нерчинский уезды.

До образования губерний в 1708 г. сибирские уезды управлялись сначала приказом Казанского дворца, а 19 февраля 1637 г. был образован Сибирский

приказ, просуществовавший с перерывом (с 1708 по 1730 гг.) до 1763 г. Во главе приказа стоял судья, которому подчинялись дьяки и подьячие — канцелярские служители. Судьями назначались представители высшей знати.

До 1708 г., то есть за семьдесят лет, во главе Сибирского приказа сменились семь судей: Н. И. Одоевский, А. Н. Трубецкой, Р. М. Стрешнев, И. Б. Репнин, А. А. Виниус, Ф. Ю. Ромодановский, М. П. Гагарин.

18 декабря 1708 г. указом Петра I «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов» были образованы первые восемь губерний. Якутский уезд с Камчаткой вошел в состав самой обширной из них — Сибирской с центром в Тобольске. Первым губернатором Сибирской губернии был назначен последний судья Сибирского приказа князь Матвей Петрович Гагарин. В 1711 г. губерний стало девять, а в 1714 г. — одиннадцать.

Сибирские губернаторы:

1708—1719 — князь Гагарин Матвей Петрович

1719—1724 — князь Черкасский Алексей Михайлович

1724—1730 — князь Долгоруков Михаил Владимирович

1730—1736 — тайный советник Плещеев Алексей Львович

1736—1741 — бригадир Бутурлин Петр Иванович

1741—1742 — генерал-майор Шишов Иван Афанасьевич

1742—1752 — генерал-майор Сухарев Алексей Михайлович

1752—1757 — генерал-лейтенант Мятлев Василий Алексеевич

1757—1763 — тайный советник Соймонов Федор Иванович.

(Здесь и далее сведения о губернаторах даны по справочнику: «Губернии Российской Империи. 1708—1917. — М., 2003.)

В 1719—1724 гг. Петр I провел вторую административную реформу. Губернии разделили на 45 провинций. В Сибирской губернии образовали три провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Во главе провинции стоял воевода с подчиненной ему провинциальной канцелярией. Якутский уезд находился в числе семи уездов, вошедших в состав Иркутской провинции. Всего в России было образовано более 250 уездов. Управление стало трехступенчатым: уездный воевода подчинялся провинциальному, провинциальный — губернатору. На Камчатке эта реформа не сказалась, лишь в 1731 г. в составе той же Иркутской провинции она была переподчинена вновь образованному Охотскому приморскому управлению, выделенному из Якутского уезда.

Охотские главные командиры [1, с. 42, 56, 60, 73]:

1731—1739 — Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич

1939—1742 — Девиер Антон Мануйлович

1742—1760 — премьер-майор Зыбин Афанасий

1760—1764 — капитан 3-го ранга Ртищев Василий.

В 1764 г. Сибирская губерния разделена на две: Тобольскую и Иркутскую во главе с губернаторами. В том же году на Камчатку прибыл первый коман-

дир, независимый ни от Охотска, ни от Якутска, подчиненный непосредственно иркутскому губернатору.

Иркутские губернаторы:

1765—1767 — генерал-майор Фрадендорф Карл Львович

1767—1776 — генерал-поручик Бриль Адам Иванович

1776—1779 — бригадир Немцов Федор Глебович

1779—1783 — генерал-майор Кличка Франц Николаевич.

В 1775—1784 гг. Екатерина II провела новую губернскую реформу, в результате которой вместо губерний было образовано 40 наместничеств во главе с губернаторами. Два-три наместничества объединялись под управлением генерал-губернатора. В Сибири реформа прошла в 1783 г. Здесь было образовано три наместничества: Тобольское, Кольванское и Иркутское. Последние два управлялись иркутским генерал-губернатором.

Иркутские генерал-губернаторы:

1783—1787 — генерал-поручик Якоби Иван Варфоломеевич

1887—1793 — генерал-поручик Пиль Иван Алферьевич.

Губернаторы — правители Иркутского наместничества:

1783—1786 — генерал-майор Ламб Иван Варфоломеевич

1786—1791 — генерал-майор Арсеньев Михаил Михайлович

1791—1797 — генерал-майор Нагель Илларион Тимофеевич.

В том же 1783 г. вышел указ Екатерины II «О составлении Иркутской губернии из четырех областей»: Иркутской, Якутской, Нерчинской и Охотской. Во главе Охотской области стоял комендант.

Охотские коменданты [1, с. 92, 95]:

1784—1789 — полковник Козлов-Утренин Григорий Алексеевич

1788 — премьер-майор Шмалев Тимофей Иванович

1789—179? — совестный судья Кох Иван.

В составе Охотской области образовали четыре уезда: Охотский, Гижинский, Акланский и Нижнекамчатский. Центры уездов называли городами во главе с городничим. Во главе уездов стояли земские исправники. Камчатка вновь оказалась в подчинении Охотска.

12 декабря 1796 г. вышел указ Павла I о новой губернской реформе. Наместничества переименованы в губернии, число которых сократилось. В Сибири их осталось две: Тобольская и Иркутская.

Иркутские военные губернаторы:

1797—1798 — генерал-лейтенант Трейден Христофор Андреевич

1798—1800 — генерал от инфантерии Лещано Борис Борисович

1800—1803 — генерал-лейтенант Лебедев Николай Петрович.

В 1798 г. для усиления обороны Камчатки было принято решение создать полк. Командир полка являлся одновременно и комендантом Камчатки, подчиненным непосредственно иркутскому военному губернатору.

В марте 1803 г. проведена новая административная реформа. Тобольская и Иркутская губернии вошли в состав Сибирского генерал-губернаторства.

Генерал-губернаторы Сибири:

1803—1806 — действительный тайный советник Селифонтов Иван Осипович

1806—1819 — тайный советник Пестель Иван Борисович

1819—1822 — тайный советник Сперанский Михаил Михайлович.

В том же 1803 г. 11 августа вышел указ «Об устройстве областного правления на Камчатке». В составе Иркутской губернии была образована самостоятельная Камчатская область во главе с военным комендантом, который одновременно именовался «правителем области Камчатской».

Но и эта реформа оказалась недолговечной. Правительство считало, что областное правление для Камчатки слишком громоздко. 9 апреля 1812 г. Александр I утвердил «Новое положение о Камчатке», разработанное группой мореплавателей и ученых, хорошо знакомых с положением дел. Областное управление ликвидировалось. Начальники Камчатки из опытных морских офицеров подчинялись сибирскому генерал-губернатору. Эта система управления оказалась удобнее и долговечнее других, просуществовав почти сорок лет. Край назывался «Камчатское приморское управление».

В 1822 г. по предложению сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. В состав последнего вошли две губернии — Енисейская и Иркутская, Якутская область, а также два приморских управления — Охотское и Камчатское. В том же году Александр I утвердил также разработанное М. М. Сперанским «Учреждение для управления Сибирских губерний», имевшее ряд приложений, в том числе «Об управлении инородцев», которое упорядочило ведение дел аборигенов.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири:

1822—1833 — действительный тайный советник Лавинский

1833—1834 — генерал-лейтенант Сулима Николай Степанович

1834—1837 — генерал-лейтенант Броневский Семен Богданович

1837—1847 — генерал-лейтенант Руперт Вильгельм Яковлевич

1847—1861 — генерал от инфантерии, генерал-адъютант Муравьев Николай Николаевич.

В эти годы в управлении Камчаткой произошли серьезные перемены. По инициативе Н. Н. Муравьева 2 декабря 1849 г. вышел указ об образовании самостоятельной Камчатской области в составе двух округов — Петропавловского и Гижигинского — во главе с военным губернатором, подчиненным генерал-губернатору Восточной Сибири.

Но в ранге области Камчатке пришлось существовать недолго. 31 октября 1856 г. Камчатскую область ликвидировали. Вместо нее был образован Пет-

ропавловский округ во главе с исправником, который с 1888 г. стал именоваться окружным начальником. Округ вошел в состав вновь созданной Приморской области с центром сначала в Николаевске-на-Амуре, с 1880 по 1884 гг. — в Хабаровке, а с 1888 г. — во Владивостоке. В 1858 г. из Приморской области выделена Амурская область с центром в Благовещенске.

Военные губернаторы Приморской области:

- 1856—1865 — контр-адмирал Казакевич Петр Васильевич
- 1865—1870 — контр-адмирал Фуругельм Иван Васильевич
- 1870—1875 — контр-адмирал Кроун Александр Егорович
- 1875—1880 — контр-адмирал Эрдман Густав Федорович
- 1880—1881 — генерал-майор Тихменев Михаил Петрович
- 1881—1888 — генерал-майор Баранов Иосиф Гаврилович
- 1888—1897 — генерал-лейтенант Унтербергер Павел Федорович
- 1897—1898 — генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович
- 1899—1903 — генерал-лейтенант Чичагов Николай Михайлович
- 1903—1905 — генерал-майор Колюбакин Алексей Михайлович
- 1905—1910 — генерал-майор Флуг Василий Егорович.

До 1884 г. Приморская область входила в состав генерал-губернаторства Восточной Сибири, а 6 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство с центром в г. Хабаровке (с 1893 г. — Хабаровск) в составе Амурской и Приморской областей.

Приамурские генерал-губернаторы:

- 1884—1893 — генерал от инфантерии, генерал-адъютант барон Корф Андрей Николаевич
- 1893—1898 — генерал-лейтенант Духовской Сергей Михайлович
- 1898—1902 — генерал от инфантерии Гродеков Николай Иванович
- 1902—1903 — генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович
- 1903—1904 — адмирал, генерал-адъютант Алексеев Евгений Иванович
- 1904—1905 — генерал от кавалерии Хрещетитский Ростислав Александрович
- 1905—1910 — генерал-инженер Унтербергер Павел Федорович
- 1910—1917 — тайный советник Гондатти Николай Львович.

17 июля 1909 г. был утвержден указ об образовании Камчатской области во главе с губернатором, подчиненным Приамурскому генерал-губернатору. Область состояла из шести уездов, включавших в себя весь Северо-Восток России.

Губернаторы Камчатской области:

- 22.07.1909—18.06.1912 — действительный статский советник Перфильев Василий Власьевич
 - 18.06.1912—18.11.1916 — действительный статский советник Мономахов Николай Владимирович.
- Вице-губернаторы:
- 1909—1913 — коллежский ассессор фон Бодунген Евгений Федорович
 - 1913—1917 — статский советник Чаплинский Александр Гаврилович.

Административные *центры управления* Камчаткой также неоднократно менялись. До 1740 г. назначаемые сюда приказчики, комиссары и командиры сами выбирали местом своего пребывания один из камчатских острогов: Верхнекамчатский, Нижнекамчатский или Большерецкий.

1740—1785 — Большерецк

1785—1812 — Нижнекамчатск, город до 1803 г. Хотя в указе «Об устройстве областного правления на Камчатке» от 11 августа 1803 г. было сказано: «Место-пребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск», но правители Камчатской области — коменданты генералы Кошелев и Петровский — управляли областью из Нижнекамчатска, что подтверждают И. Ф. Крузенштерн в 1804 и 1805 гг. и В. М. Голловин в 1810 г. [3, с. 290; 8, с. 134]

1812—1917 — Петропавловск (с 1822 г. — город).

Территория, подвластная администрации края, также неоднократно менялась. До 1772 г. власть камчатских правителей распространялась только на полуостров и Курильские острова (северными границами территории, подвластной Камчатке, Крашенинников называет бухту Подкагерную на западном побережье и р. Карагу — на восточном) [7, с. 249—257].

Указом 30 апреля 1772 г. о назначении главного камчатского командира ему поручалась команда, помимо Камчатки и Курильских островов, над Гижигинской крепостью с округой и над вновь объясаченными островами, то есть Алеутскими [19, с. 5].

Реформа 1783 г. вновь ограничила Камчатку полуостровом — Нижнекамчатским уездом.

В 1803 г., с образованием Камчатской области, в подчинение правителю Камчатской области возвращен Гижигинский округ.

В 1812 г. область ликвидирована, и в Камчатском приморском управлении остался полуостров и Курильские острова. Гижигинский округ подчинен Охотскому управлению, а Алеутские острова отошли под власть правителей Русской Америки.

В 1849 г. с образованием Камчатской области в ее состав вошли два округа: Петропавловский и Гижигинский [13, с. 235].

С ликвидацией области в 1856 г. образован Петропавловский округ в составе полуострова и Курильских (без южных) и Командорских островов. В 1875 г. все Курильские острова отошли к Японии.

В 1909 г. образована Камчатская область в составе шести уездов. Впервые в состав области были включены Анадырский, Чукотский и Охотский уезды. Территория области превысила 1 млн 360 тыс. кв. км.

Население. Динамика численности населения края является важным критерием эффективности управления. Данные о численности туземного населения весьма относительны. Они базируются первоначально на ясачных книгах, в которые заносилось лишь взрослое мужское население, и на количе-

стве собранного ясака. Но от уплаты ясака уклонялось большинство кочевого населения и значительная часть оседлого. В первые сто тридцать лет коренное население сокращалось по разным причинам: стычки со сборщиками ясака, подавление восстаний, насильственное переселение, голод, вызванный недоловом рыбы из-за отвлечения населения на различные работы, эпидемии. Первоначальная численность аборигенов различными исследователями оценивается по-разному.

Посетивший Камчатку в 1808—1809 г. доктор Шпер писал: «Когда-то в Камчатке считалось до 50 000 туземцев, а теперь едва наберется 1 500» [19, с. 54].

Шпер не совсем точен в определении численности коренного населения Камчатки. Большинство исследователей считают, что оно на рубеже XVII—XVIII вв. составляло примерно 20—25 тыс. чел. Атласов сообщает о многолюдности долины р. Камчатки: «А какплыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцев гораздо много — посадки великие, юрт ста по три и по 4 и по 5 сот и больше есть» [5, с. 22]. Юртами он называет, видимо, семейные балаганы для сушки рыбы. Скорее всего, Атласов умышленно завышает их количество, чтобы повысить значимость приобретенной им земли: «... по Камчатку (реке. — В. А.) камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в двух юртах живет людей человек по 200 и по 150» [5, с. 29].

Сам же он собрал ясак с 3 400 чел. плательщиков (то есть взрослых мужчин). Он признает, что многие ясаку платить не стали. Не был Атласов и на восточном побережье от устья р. Камчатки до Авачинской губы. Принято считать, что соотношение ясачных плательщиков к общему числу жителей составляет 1:4. Первые ясачные книги были составлены в 1704 г. В них значилось 5 138 чел. Доверять этой цифре тоже нельзя. Г. Стеллер считал, что до трети местного населения укрывались от ясака и, следовательно, не попадали в ясачные книги. Тот же Стеллер считал, что казаки в «течение сорока лет низвели численность туземцев до одной двенадцатой или пятнадцатой части первоначального их количества» [11, с. 10].

Это явное преувеличение. Ближе к истине был С. П. Крашенинников, когда писал, что «казаки... бывшие при прежних прикащиках всех родов иноземцев в Камчатском носу обретающихся тысяч около двенадцати или пятнадцати считали, а ныне... меньше трех тысяч осталось» [7, с. 249—258].

По ясачным книгам 1738 г. Крашенинников называет 2 716 плательщиков, да еще около ста курильцев на мысе Лопатка и ближних островах.

По различным косвенным источникам можно проследить изменение численности коренного населения полуострова (табл. 1). Точность данных весьма относительна [11, с. 10—17].

Таблица 1

Год	Число жителей	Год	Число жителей
1700	более 20 000	1818	3 424
1715	более 14 000	1829	2 899
1735	11 500	1835	Более 3 000
1740	10 500	1876	3 669
1763	7 500	1889	4 300
1768	8 800	1897	5 600
1769	3 000	1901	4 800
1790	6 000	1912	5 361
1800	4 000	1926	5 300
1812	3 200		

Спад численности населения в первой половине XVIII в. связан с жестоким подавлением непокорных аборигенов. Например, Крашенинников так описывает покорение камчадалов на р. Большой в мае 1711 г., после того, как они сожгли в 1706 г. Большерецкий острог и перебили русский гарнизон: «На сражении побито и перетонуло изменников такое великое множество, что трупами их Большая река запрудилась, а с российской стороны три человека убито, да несколько ранено» [7, с. 108].

И таких сражений было немало. Наибольшие же потери понесло население Камчатки во время эпидемии оспы в 1768—1769 гг., которая унесла жизни 5 767 камчадалов и 315 русских, то есть две трети населения [18, с. 90].

Вторая эпидемия в 1799—1800 гг. унесла жизни 1 682 камчадалов и более 300 русских [16, с. 36]. Кроме того, голод и массовую гибель вызвало отвлечение людей на транспортную повинность для перевозки грузов экспедиции Беринга в 1727—1728 гг. и инспекционной поездки охотского коменданта Козлова-Угренина с огромной свитой в 1787—1788 гг., а также перевозка «соемского полка» и его грузов в 1800—1802 гг.

Изменение численности русского населения Камчатки показано в табл. 2 [11, с. 23—25].

Таблица 2

Год	Число жителей	Год	Число жителей
1711	150	1834	2 072
1741	700	1854	3 444*
1762	1 618	1861	2 354
1774	1 700	1897	2 584
1818	1 346	1912	3 321
1829	1 632	1915	4 500

* В том числе «войск с семьями» 1 107 чел.

Главная беда Камчатки — ее правители. В рассматриваемый период их побывало здесь более ста. А если добавить к ним руководителей многочис-

ленных экспедиций, работавших в XVIII в. на полуострове и тоже вмешивавшихся в управление краем, то около ста двадцати.

Из этого числа лишь единицы оказались людьми порядочными, управлявшими во благо края, стремившимися облегчить положение его жителей. Но и они мало что могли сделать, будучи вынужденными каждый свой шаг согласовывать с начальством в Охотске, Иркутске или Петербурге. А переписка длилась годами. Большинство же правителей, как бы они ни назывались — приказчики, комиссары, командиры, городничие и исправники, коменданты, начальники и губернаторы — использовали свое положение для личной наживы, вели себя как самодуры, пользуясь отдаленностью от своего начальства обращались с подчиненными и подвластным населением как со своими холопами. Им было с кого брать пример. Не случайно, что первый сибирский губернатор князь Гагарин был повешен за злоупотребление властью.

Не отставали от него и непосредственные начальники камчатских правителей — якутские воеводы, охотские командиры. Многих из них отдали под суд. И судьба многих камчатских руководителей оказалась незавидной. Одни погибли от рук туземцев, а некоторые, как Атласов, и своих сослуживцев, другие умерли, не перенеся тяжелых лишений, или в тюрьме, третьих казнили за их деяния или разжаловали в рядовые и отправили в ссылку.

Кстати, сами власти долго относились к Камчатке как к источнику пушнины, базе для географических исследований да как к месту надежной ссылки для опасных преступников, не прилагая никаких усилий для развития края. Лишь в XIX в. они стали обращать внимание на нужды края.

В управлении Камчаткой в первые 220 лет ее нахождения в составе России можно выделить следующие периоды:

- «якутский» (1697—1731 гг.);
- «охотский» (1731—1764 гг.);
- «иркутский» (1764—1785 гг.);
- «нижнекамчатский» (1785—1812 гг.);
- «петропавловский» (1813—1856 гг.);
- «приморско-камчатский» (1856—1917 гг.).

1. ЯКУТСКИЙ ПЕРИОД (1697—1731 гг.)

Якутский период начался с похода В. В. Атласова на Камчатку в 1697—1699 гг. В 1695 г. Атласов был направлен якутским воеводой Траурнихтом приказчиком в самый отдаленный острог Якутского уезда — Анадырский, основанный С. И. Дежневым в 1649 г.

Сами якутские воеводы, под управлением которых Камчатка находилась более тридцати лет, назначались Сибирским приказом. Определенного поряд-

ка назначения воевод не было. Они находились в должности от двух до семи лет. Снимали воевод обычно по причине большого количества доносов на них, доходивших до Сибирского приказа. Расследование преступлений обычно поручалось их преемнику и тянулось годами. Со времени образования Якутского уезда в 1639 г. и до 1701 г. в нем сменились около двадцати воевод.

Воеводы управляли уездом по наказам, полученным в Сибирском приказе, в которых регламентировалась их деятельность. Воеводы выполняли судебно-административные, полицейские, финансово-податные, военные и другие функции. На них лежали обязанности защиты уезда, сбора ясака с туземного населения, содействия торговле и промыслам русских людей, развития хлебопашества для снабжения хлебом служилых людей, борьбы с корчемничеством, курением табака и азартными играми, производства суда и расправы. В воеводстве была тюрьма, «пытошная изба» и палач. Правда, в 1695 г. воеводам было запрещено выносить смертные приговоры.

Ведением делопроизводства занималась воеводская канцелярия — приказная, или съезжая изба. Якутская приказная изба делилась на столы: денежный, ясачный, хлебный и разрядный. Символом воеводской власти служила круглая государева печать, отлитая из серебра. На якутской воеводской печати в центре был помещен герб — орел, держащий в когтях соболя, под гербом надпись: «Новые сибирские земли на великой реке Лене».

В своей деятельности воевода опирался на военный гарнизон из служилых людей — казаков, которые охраняли уезд от набегов «немирных людей», выполняли обязанности сборщиков ясака и сопровождали «государеву казну» из отдаленных острогов в Якутск и далее в Москву. Отряды служилых людей возглавляли боярские дети, казачьи головы, сотники, пятидесятники, десятники. Штаты служилых людей определялись Сибирским приказом. Их постоянно не хватало, а территория уезда расширялась за счет присоединения новых земель, строились новые остроги.

К концу XVII в. в распоряжении якутского воеводы находилось до тысячи казаков. В 1701 г. был образован Якутский полк, где в 1720-е гг. служило не более 1 500 чел., рассеянных по огромной территории края. Казаки несли огромные потери. С. П. Крашенинников сообщает, что с 1703 по 1716 гг. на пути в Камчатку их погибло более двухсот [7, с. 219].

Воеводы направляли в окраинные остроги отряды казаков во главе с приказчиками, которым давались наказные памяти с предписанием помимо сбора ясака вести «прииск новых земель неясачных людей» и «приводить их под царскую высокую руку». Приказчики в свою очередь отправляли из острогов отряды казаков во главе с заказчиками для сбора ясака. Казаки строили временные укрепленные опорные пункты — зимовья, на месте многих из которых впоследствии вырастали новые остроги. Так, например, из зимовий возникли Нижнекамчатский и Большерецкий остроги.

Хотя Сибирским приказом предписывалось в сборщики ясака посылать «людей добрых» и аборигенам «никаких обид не творить», большинство приказчиков, заказчиков и рядовых казаков не были ангелами. Пользуясь отдаленностью острогов от Якутска и зимовий от острогов, они творили злоупотребления, брали в заложники-аманаты не только мужчин, но нередко женщин и детей, больше думали о собственном обогащении, чем о пополнении царской казны. Это приводило к постоянным волнениям туземного населения. Деятельность камчатских приказчиков постоянно сопровождалась бунтами: ительменов в 1731 г., коряков в 1730—1750-е гг.

Приказчики на Камчатку («в камчатские остроги») стали назначаться после возвращения Атласова с богатым ясаком. Такого в Якутске прежде не видели: восемьдесят сороков соболей (3 200 шт.), десять морских бобров, четыре выдры, семь бобровых лоскутов. Учитывая, что ясак были обязаны платить мужчины от пятнадцати до шестидесяти лет, его заплатили более 3 400 чел. [7, с. 194].

Такого количества плательщиков ясака прежде не знали в землях Якутского уезда — ни на Колыме, ни на Яне, Индигирке или Анадыре. Кроме ясака, Атласов привез собственной пушнины, выменянной на различные товары, одиннадцать сороков соболей (440 шт.), немало привезли с собой и его казаки. Камчатский соболь оказался очень высокого качества, уступая лишь баргузинскому. Камчатка надолго получила славу «пушного цеха» Сибири.

При приказу Атласова был основан в 1697 г. первый камчатский острог — Верхнекамчатский. В последующие десять лет возникли еще два — Нижнекамчатский и Большерецкий. Первый камчатский приказчик прибыл в 1700 г. Им был Тимофей Кобелев. Он сменил оставленный в Верхнекамчатском остроге Атласовым отряд Потапа Серюкова. Отряд из пятнадцати казаков не дошел до Анадырского острога, все погибли от рук «немирных» коряков. Это были первые ощутимые потери русских землепроходцев на камчатской земле. Т. Кобелеву, в отряде которого находились известные в истории Камчатки отец и сын Козыревские, пришлось ждать смены три года, в 1703 г. его сменил Михайло Зиновьев, а в 1704 г. на смену ему пришел Василий Колесов.

Всего с 1700 по 1733 гг. на Камчатке побывало более шестидесяти приказчиков (в 1720-е гг. их стали называть комиссарами), присланных из Якутска.

Путь из Якутска на Камчатку до открытия в 1716 г. морского пути из Охотска пролегал через побережье Северного Ледовитого океана и Нижнеколымский острог до Анадырского острога, а оттуда по р. Пенжине до Парапольского дола, и далее либо морем вдоль восточного побережья, либо сушей по западному берегу до р. Камчатки.

Путь этот в один конец занимал от шести месяцев до года. Приходилось продвигаться по незнакомой местности, преодолевая дикую тайгу, топкие леса,

бурные реки, горные хребты. Транспортные средства (олений, собак, лодки), теплую одежду и продукты приходилось реквизи́ровать у местных жителей, отчего с ними складывались непростые отношения. Нередко казакам и самим приходилось впрягаться в нарты. В поход брали «государев запас»: пища́ли, порох, свинец, даже пушки, а также «железную рухлядь» — котлы, топоры, ножи, посуду, олово, медь, железо для разных нужд, рыболовные снасти. Шли по глубоким снегам, в морозы и в пургу, летом страдали от гнуса, гибли от болезней, голода и холода, в стычках с «немирными» аборигенами.

Достигнув места, казаки приступали к постройке жилья. Зимовья и остроги часто переносились на новое место. Так, Т. Кобелев в 1700 г. начал с того, что перенес построенный П. Серюковым Верхнекамчатский острог в более удобное место в полуверсте от прежнего и заложил Нижнекамчатское зимовье, а В. Колесов укрепил Верхнекамчатск, построил острог в Нижнекамчатске и заложил зимовье на р. Большой.

Остроги становились центрами освоения нового края. Казаки жили в избах, в амбарах хранились припасы, оружие и пушнина, имелись специальные постройки для аманатов — заложников. Острог окружался высокой «козельчатой» оградой — частоколом из бревен с заостренным верхом. Над избами и амбарами сооружались «нагородни» — надстройки для обороны от нападений аборигенов.

Приказчикам предписывалось собирать ясак «перед прошлыми годами с прибавкою», составлять поименные списки плательщиков ясака, для чего в каждом отряде имелись писарь и толмач — переводчик. Предписывалось также «иноземцам ясашным людям держать ласку и привет и ничем их не изобижать». Первые списки плательщиков ясака («ясачные книги») были заведены в 1704 г. М. Зиновьевым, они включали 5 138 имен.

В обязанности приказчиков также входила организация «соболиных и звериных промыслов», сбор пошрины с торговых и промышленных людей, которые часть добровольно отправлялись с казаками в новые земли. Так, еще в походе С. И. Дежнева в 1648 г. участвовал торговый человек Федот Алексеев Попов. Приказчики имели право чинить суд над местным населением и подчиненными служилыми людьми.

Судьба приказчиков складывалась по-разному. Немногим из них удалось благополучно вернуться в Якутск с собранным ясаком. Уже в 1705 г. на р. Караге по пути на Камчатку был убит с семью казаками четвертый камчатский приказчик Василий Протопопов (Верхотуров), направленный на смену В. Колесову. В том же году погибли десять казаков и приказчик Василий Шелковников.

Всего же в якутский период погиб каждый четвертый камчатский приказчик. Наиболее трагические события произошли в 1711 г., когда казаки, не дождавшись реакции якутских властей на свои челобитные с жалобами

на притеснения В. Атласова, вновь назначенного камчатским приказчиком в 1706 г., подняли бунт, во время которого, кроме Атласова, погибли еще два приказчика: Петр Чириков и Осип Миронов (Липин). Избранный самими казаками атаманом и приказчиком Данила Яковлевич Анциферов через год, в 1712 г., погиб на р. Аваче вместе со всем своим отрядом из двадцати пяти казаков от рук авачинских ительменов.

В 1714 г. приказчики Иван Енисейский (1713—1714 гг.) и Василий Колесов (1712—1714 гг.) погибли в Акланском остроге на р. Пенжине, сопровождая собранный за несколько лет ясак. Ясак был разграблен напавшими на них коряками. Погибли от рук туземцев также приказчики Иван Панютин с десятью казаками на р. Олюторе в 1709 г., Иван Харитонов на р. Палане в 1719 г. Скончался от болезни в 1724 г. в Нижнекамчатске Андрей Жирков. В 1732 г. умерли в Охотске, возвращаясь с Камчатки в Якутск с ясачной казной, Степан Бобровский и Никита Лосев.

Двое приказчиков — Иван Новгородов и Михаил Шехурдин — были казнены за жестокое обращение с камчадалами, приведшее к бунту 1731 г., по приговору Походной розыскной канцелярии под руководством полковника Василия Мерлина.

Многие приказчики были смещены или отозваны по доносам и отданы под следствие: в 1716 г. Петриловский смещен руководителем первой морской экспедиции на Камчатку Кузьмой Соколовым, его имущество было конфисковано; в 1720 г. приказчик Максим Лукашевский отстранен по доносу Алексея Шестакова; в 1721 г. сам А. Шестаков отстранен руководителем экспедиции геодезистов И. М. Евреиновым, а в 1727 г. Яков Мохначевский отозван по доносу В. Беринга. В 1733 г. Эверстова — последнего комиссара, назначенного из Якутска в 1731 г., арестовали в Охотске по приказу главного командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева, а его имущество конфисковали.

Мало кто из приказчиков избежал доносов. При конфискации у них имущества, личной пушнины нередко оказывалось больше, чем в собранной ими ясачной казне. Так, у Эверстова морских бобров конфисковали больше, чем их имелось в казне, которую он сопровождал.

До 1706 г. отношения между русскими и камчадалами складывались относительно мирно. Но в 1706 г. началась череда бунтов. Воспользовавшись временным отсутствием на Камчатке приказчиков (после отъезда В. Колесова и до прибытия Семена Ломаева), ительмены сожгли Большерецкий острог и перебили всех бывших там казаков. Лишь в 1711 г. Д. Я. Анциферову и И. П. Козыревскому удалось покорить большерецких камчадалов. В том же 1706 г. авачинские ительмены уничтожили отряд ясачных сборщиков из шести человек. Прибывший летом 1707 г. Атласов послал на усмирение семьдесят казаков во главе с Иваном Таратиным.

На берегу Авачинской губы в ноябре 1707 г. состоялось настоящее сражение с восемьюстами камчадалами. Казаки одержали победу, потеряв шесть человек. Но и после этого камчадалы не были покорены, о чем говорят события 1712 г. на Аваче, где погиб Д. А. Анциферов. Сопротивление камчадалов закончилось лишь после подавления самого крупного бунта 1731 г., когда был уничтожен Нижнекамчатский острог. Сто лет спустя об этом бунте А. С. Пушкин намеревался написать повесть.

О причинах непокорности ительменов в 1706 г. С. П. Крашенинников писал: «Причина бунту их была, может быть, та, что им ясашный сбор, который уже был, и с принуждением показался тягостен, тем наипаче, что у них тогда прежняя вольность из памяти еще не вышла, которую они надеялись возвратить убийством российских людей; ибо по объявлению тамошних старожитов камчадалы думали, что российские казаки какие-нибудь беглецы; для того, что всегда почти одни к ним приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сомневались они всех их перевестъ без остатку, а в непропуске вновь из Анадырска надеялись на коряк и олноторов, будучи известны, что они двух приказчиков Протопопова и Шелковникова с командами на дороге побили. Однако они в том весьма обманулись: ибо вместо приобретения прежней вольности многие потеряли живот свой, отчего и число их умалилось против прежнего» [7, с. 197—198].

Причины же камчатского бунта 1731 г. были гораздо глубже. Одна их главных — расстройство хозяйства камчадалов в связи с распоряжением В. Беринга доставить грузы Первой Камчатской экспедиции из Большерецка в Нижнекамчатск через весь полуостров (833 версты). Из всех селений собрали для этого камчадалов с собачьими упряжками. Было потеряно время для зимних промыслов, большая часть собак не вынесла тяжелой и продолжительной работы. Не успела завершить работу экспедиция Беринга, как на Камчатку в 1729 г. прибыл отряд от новой экспедиции во главе с Афанасием Шестаковым. Шестаков прислал своими уполномоченными сына Василия и племянника Ивана, которые считали себя начальниками Камчатки и занялись сбором ясака.

Одновременно в 1729—1731 гг. собирали ясак присланные из Якутска комиссары Иван Новгородов и Михаил Шехурдин, отличавшиеся особой жестокостью. Их деятельность считается главной причиной камчатского бунта 1731 г.

Об их методах сбора ясака и обращения с камчадалами, численность которых со времен М. Зиновьева уменьшилась вдвое (в ясачных книгах Зиновьева в 1704 г. значилось 5 138 плательщиков ясака, у Новгородова в 1730 г. — 2 527, у Шехурдина в 1731 г. — 2 634), А. С. Сгибнев пишет следующее:

«Хотя Беринг и не велел брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах

писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедиционных материалов. В особенности же отличались взяточничеством и жестокостью комиссары Новгородов и Шехурдин и подьячие их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по три и четыре лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по полтора пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять за свой счет, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работы по полугоду» [18, с. 43]. Скорее всего, такими же методами действовали и предыдущие приказчики и комиссары.

Таким образом, последствия первых трех десятилетий российского правления на Камчатке оказались плачевными. Коренное население было доведено притеснениями приказчиков и комиссаров до восстания 1731 г., охватившего практически весь полуостров. Население края сократилось в несколько раз.

Единственным положительным результатом этого периода явились географические открытия. Но они никак не связаны с деятельностью камчатских приказчиков, кроме открытия Курильских островов, сбора сведений о Японии и составления Чертежа Камчадалского Носу, но это, в основном, заслуга И. П. Козыревского, а он приказчиком не был, совершал открытия по собственной инициативе. Остальные же открытия: морского пути из Охотска на Камчатку, составление карты Курильских островов, плавание Беринга для выяснения «сошлась ли Азия с Америкой» — были сделаны правительственными экспедициями, и не являлись результатами управления Камчаткой из Якутска.

2. ОХОТСКИЙ ПЕРИОД (1731—1764 гг.)

В 1731 г. состоялась первая административно-территориальная реформа, впрямую коснувшаяся Камчатки. Поводом к ней явилась записка вернувшегося из Первой Камчатской экспедиции В. Беринга в Сенат «О мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки», представленная в декабре 1730 г. Беринг подверг критике сложившуюся систему управления Камчаткой из далекого Якутска.

29 апреля 1731 г. из состава Якутского уезда Иркутской провинции было выделено самостоятельное Охотское приморское управление во главе с глав-

ным командиром, подчиненным непосредственно Иркутской провинциальной канцелярии. Одновременно указом от 10 мая 1731 г. Охотский острог был объявлен портом — первым на русском Тихоокеанском побережье. Охотскому правлению подчинялись русские владения на Северо-Востоке: побережье Охотского и Берингова морей, Анадырский край и Камчатка с Курильскими островами. То есть правительство еще до получения известия о камчатском бунте 1731 г. сочло необходимым изменить существующий порядок управления Камчаткой. Теперь не якутский воевода назначал правителей Камчатки, а охотский главный командир определял на Камчатку просто командиров, «понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт».

Первыми охотскими главными командирами оказались люди непростые. В 1731—1739 гг. эту должность занимал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев: в 1719—1722 гг. — директор Морской академии, в 1722—1727 гг. — генерал-майор, обер-прокурор Синода. За участие в заговоре против А. Д. Меншикова в 1727 г. его лишили чинов и орденов и сослали в Сибирь. Именно Скорняков-Писарев и стал первым охотским главным командиром. Основная его деятельность на этом посту заключалась в организации практической помощи Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.). Именно в Охотске строились суда для экспедиции, здесь находились ее участники. По многочисленным доносам М. П. Шпанберга, отряд которого прибыл раньше Беринга, и его офицеров, в 1739 г. Скорнякова-Писарева отстранили от должности. Новым охотским главным командиром указом от 13 апреля 1739 г. был назначен также сосланный в Сибирь по одному со Скорняковым-Писаревым делу Антон Мануйлович Девиер — португалец, встреченный Петром I в Голландии, дослужившийся в России до обер-полицмейстера Санкт-Петербурга и ставший зятем А. Д. Меншикова.

Деятельность первых охотских главных командиров совпала по времени со Второй Камчатской экспедицией, решение об организации которой было принято в апреле 1732 г. Девиер оставался командиром Охотска почти до прекращения ее деятельности в 1743 г. В июне 1742 г. он вместе со Скорняковым-Писаревым выехал в Петербург. Оба были реабилитированы указом Елизаветы Петровны от 1 декабря 1741 г. Одновременно с Девиером в Охотске с 1740 по 1742 гг. отбывал каторгу видный ученый-гидрограф петровской эпохи, в 1730-е гг. вице-президент Адмиралтейств-коллегии Федор Иванович Соймонов. После освобождения в 1742 г. он остался в Сибири, руководил в 1753—1757 гг. возобновленной Камчатской экспедицией, которой из-за обострения отношений с Китаем пришлось ограничиться описью Шилки и Амура. В 1757—1763 гг. Соймонов был сибирским губернатором и также принимал участие в камчатских делах. В 1763—1766 гг. он был сенатором и ушел в отставку в возрасте 84 лет.

В инструкции из тридцати трех пунктов, данной Скорнякову-Писареву 29 апреля 1731 г., содержались и указания относительно Камчатки. В двенадцатом пункте сказано: «Тебе Писареву смотреть и за камчатскими прикащиками, и кои будут посылаться из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острогов, чтобы они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели про них будут жалобы, или по слуху сам уведомляешь о каких непорядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать, по силе государственных прав».

В тринадцатом пункте предписывалось: «Для лучшего содержания острогов определять в них командиров не так, как ныне, ежегодно переменных; но на несколько лет, или пока какой в вину или подозрение войдут, дабы для своего житя лучше рачили и хлеб размножали и народ приласкали» [18, с. 55].

Но и в Охотске отсутствовали качественные кадры командиров, которые можно было направить на Камчатку. Они были ненамного лучше, чем якутские приказчики и комиссары. Ведь население Охотска в основном составляли, как и его командиры, ссыльные. И офицеры, и чиновники попадали в Охотск не самые лучшие. Отсюда продолжались те же беды, что и прежде. Да и занимались они в основном тем же — сбором ясака. Мешало и многовластие.

В первое десятилетие подчинения Камчатки Охотску на роль главных начальников претендовали руководители и уполномоченные трех экспедиций, работавших в 1730—1740-е гг. на Камчатке. С 1729 по 1740 г. действовала так называемая Партия — экспедиция под началом Афанасия Шестакова, а после его смерти ее возглавил майор, а позднее полковник Д. И. Павлуцкий. Его основная резиденция была в Анадырском остроге, но отряды его экспедиции действовали и на Камчатке, принимали участие в подавлении камчадальского бунта 1731 г., в постройке нового Нижнекамчатского острога, в сборе ясака. Сам Павлуцкий неоднократно бывал на Камчатке и вмешивался в управление краем.

Вторая Камчатская экспедиция, три отряда которой работали с 1737 по 1743 г. непосредственно на Камчатке, внесла свою лепту. Распоряжения камчатским командирам давали и сам В. Беринг, и М. Шпанберг, и Г. Стеллер и С. Крашенинников. Третья экспедиция — это Походная розыскная канцелярия во главе с Василием Мерлиным, с 1733 по 1739 г. проводившая следствие по делу о камчатском бунте. Все это сводило к нулю роль первых камчатских командиров, которым предписывалось оказывать всяческое содействие названным экспедициям.

Первым камчатским командиром Скорняков-Писарев, еще находясь в Иркутске, назначил в 1732 г. иркутского дворянина Бейтона, а его помощником капитана Княжинкина. Но Бейтон отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. на Камчатку прибыл другой иркутский дворянин — Добрынский. Он принял дела у последнего комиссара Эверстова (1731—

1733 г.). Кстати, Эверстов десять лет перед этим провел в ссылке в Якутске по делу казненного цесаревича Алексея Петровича, у которого Эверстов некогда служил.

Добрынский не отличался особым усердием. Поручение провести перепись камчадалов он выполнил недобросовестно: вписал в старые ясачные книги новых плательщиков, но не исключил из них умерших. В сентябре 1753 г. Добрынский умер, не успев выполнить поручения Скорнякова-Писарева о заготовке провианта для экспедиции Беринга.

Вместо Добрынского его должность принял Иван Шестаков, бывший прежде в экспедиции Шестакова — Павлуцкого. Но он в основном исполнял приказания В. Мерлина, а в 1734 г. и сам попал под следствие Походной розыскной канцелярии, но был оправдан.

Третьим командиром Скорняков-Писарев назначил подпоручика Максима Латышева, который за злоупотребления был отдан Мерлиным под суд и по приговору розыскной канцелярии был бит кнутом.

После отстранения Латышева в 1738 г. и до прибытия в 1740 г. нового командира на Камчатке образовалось междувластие. А. С. Сгибнев приводит забавный факт, случившийся во время зимовки в Большерецком остроге отряда Шпанберга между его плаваниями к Японии в 1738 и 1739 гг. «В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно был бит Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностью» [18, с. 58].

В 1739 г. направлен новый командир — боярский сын Колесов. Главная задача, поставленная перед ним, — заготовка в Нижнем и Верхнем камчатских острогах провианта для экспедиции капитан-командора Беринга: «Рыбы сухой 210 пуд. 24 фунт., да вместо масла коровьяго жиру рыбаго 315 пуд. 36 ф., соли 253 пуд. 32 ф... Вина их сладкой травы накурить 336 ведер 96 чарок...» [18, с. 57]

Примерно такое же количество провианта необходимо было приготовить и для команды капитана М. П. Шпанберга. Особо предписывалось Шпанберга «до камчатских дел не допускать и смотреть того накрепко». Видимо, здорово Шпанберг насолил главному командиру Охотского порта, что тот хотел отправить на Камчатку капрала Фридриха Плениснера, чтобы тот не допускал «его Шпанберга на Камчатке предерзостныя дела творить и богатца», но Беринг запретил брать на судно Плениснера. «Того ради тебе Колесову во всей Камчатке, проведая, исследовать, не учинит ли капитан Шпанберг, будучи на Камчатке, каких обид и взяток себе с тамошних обывателей. Не брали ли также оных и посланные от капитана Беринга подпоручик Свистунов и подштурман Родичев и прочие люди его Шпанберговой команды...» [18, с. 58]. Речь идет о геодезисте Свистунове и подштурмане Родичеве, посланных

Шпанбергом для постановки вех (маяков) в Большерецкой, Нижнекамчатской и Авачинской гаванях.

Петр Колесов, прибыв в 1740 г. на Камчатку, избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, который на сорок четыре года стал административным центром Камчатки. К этому времени, еще в 1739 г., Камчатку покинула Походная розыскная канцелярия. Но две другие экспедиции оставались.

В бытность Колесова командиром Камчатки (до июня 1742 г.) главным событием явилось основание в 1740 г. Петропавловска и плавание В. Беринга и А. Чирикова к берегам Америки. Участие Колесова в этих событиях ограничивается заготовлением провианта для экспедиции. Из других событий следует отметить открытие первой школы на Камчатке в 1741 г. в Большерецке. Но сделано это было по приказу Девиера. Первым учителем стал ссыльный поручик Пражевский. В 1740 г. для занятий хлебопашеством на Камчатку прибыли двадцать четыре крестьянские семьи из Сибири. В 1741 г. они основали два русских селения в долине р. Камчатки — Мильковское и Ключевское. Но климат Камчатки оказался для земледелия сложным, и крестьяне вскоре стали рыбаками и охотниками. Позднее многие камчатские начальники пытались возродить хлебопашество, но все попытки заканчивались неудачей. Но благодаря русским крестьянам-переселенцам на Камчатке появился крупный рогатый скот и лошади. Мелкий скот и птицеводство не прижились из-за огромного количества ездовых собак в селениях.

Кстати, первую пару крупного рогатого скота завез на Камчатку в 1733 г. майор Д. И. Павлуцкий, а в 1734 г. доставлена пара лошадей. Прежде казакам, обзаводившимся семьей, запрещалось селиться в камчадальских селениях. С появлением крестьян стали появляться селения со смешанным населением. Возникает своеобразная культура, в которой сочетались русские и ительменские черты в образе жизни, занятиях жителей, одежде, жилищах.

Говоря о правлении Колесова, следует отметить, что продолжались традиции предшественников. Помощник Колесова, его брат Иван за взятки и убийство в пьяном виде казака был отдан под суд.

В июне 1742 г. Колесова сменил Петр Борисов. Напуганный сильным землетрясением, он обратился к Девиеру с просьбой об увольнении под предлогом, что при постоянных смутах на Камчатку следует назначать командирами офицеров. До решения этого вопроса временным командиром был прислан писарь Михаил Попов, который управлял Камчаткой с июня 1743 г. до своей смерти 5 февраля 1744 г., то есть всего семь месяцев. После него также недолго управлял капрал Уваровский, пока в октябре 1744 г. на Камчатку не прибыл новый командир — капитан Лебедев, направленный по распоряжению Иркутской канцелярии.

Лебедев оставался на этом посту дольше, чем кто-либо до или после него — десять лет, до 1754 г. (Кстати, Лебедев женился в Якутске на вдове

участника плавания А. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» астронома Деллиль де-ля-Кройера, умершего в день возвращения из плавания в Америку и похороненного в Петропавловске.)

Время управления Камчаткой Лебедевым было одним из самых беспокойных. Еще с 1737 г. начались непрерывные волнения среди коряков, особенно по берегам Пенжинской губы. Одновременно с севера чукчи нападали на коряков и уводили у них оленей. В 1742 г. по предложению Девиера Сенат распорядился направить на усмирении чукчей в Анадырск Павлуцкого, как хорошо знакомого с краем. В 1747 г. Павлуцкий погиб в одном из многочисленных сражений с чукчами.

Для усмирения коряков был построен ряд крепостей на севере: в 1742 г. Акланская, в 1744 г. Тигильская, в 1752 г. Гижигинская и ряд крепостей (редутов) поменьше. В 1746 г. восставали, кроме чукчей и коряков, юкагиры и камчадалы на северных реках — Палане, Уке, Столбовой. В 1751 г. была сожжена Тигильская крепость. Восставшие планировали уничтожить все русские остроги на Камчатке. Лишь в 1757 г. удалось усмирить бунтовщиков.

В бытность Лебедева камчатским командиром началось освоение пушных промыслов Командорских и Алеутских островов. Было организовано более двадцати экспедиций промышленников на острова.

На смену Лебедеву был направлен опять по распоряжению Иркутской провинциальной канцелярии, минуя охотского главного командира Зыбина, капитан Чередов из Якутска. Он вступил в управление 31 октября 1754 г. и оставался командиром Камчатки до 13 февраля 1757 г. Чередов обнаружил недостачу денег и казенного имущества у Лебедева, которого отдали под суд. Следствие тянулось более пяти лет и, не дождавшись суда, Лебедев умер в Большерецке 3 февраля 1760 г. Во время следствия были выявлены и другие преступления Лебедева: во время подавления корякского бунта продавал корякских подростков в холопство в Охотск, пересылал в Якутск для продажи пушнину, сын Алексей постоянно пил казенную водку без платежа.

Сам Чередов за два года управления Камчаткой тоже успел прославиться жестокостью и корыстолюбием. Он почти беспрестанно разъезжал по полуострову в сопровождении купцов с разными товарами, навязывая их камчадалам за пушнину. За два пуда табака, например, брал по 60 бобров. При сборе ясака требовал такое же количество пушнины для себя. Непокорных наказывал как преступников: телесные наказания, перевод в другие селения без семьи. Во время его разъездов Большерецкой канцелярией управлял его сын сержант Федор Чередов, который не отставал от отца в жестокости и корыстолюбии. Тем не менее, по возвращении в Якутск Федор был назначен якутским воеводой.

По доносу начальника камчатской духовной миссии Пахомия Чередова отозвали в Охотск, где следствие над ним длилось двенадцать лет и закончи-

лось с его смертью в ноябре 1769 г. Сын Федор также лишился воеводской должности, и имущество его конфисковали.

13 февраля 1757 г. приступил к обязанностям командира поручик Кошкарев. В его правление предпринималась еще одна попытка завести хлебопашество, но без успеха. Кошкарева сместили в ноябре 1761 г. за злоупотребления.

Его сменил поручик Недозрелов, оказавшийся еще хуже своих предшественников. Он управлял краем до 1764 г.

Вот так бесславно завершился и второй, тридцатилетний период управления Камчаткой из Охотска. Ни один из командиров, назначенных из Охотска или Иркутска, не заслужил доброй памяти.

3. ИРКУТСКИЙ ПЕРИОД (1764—1785 гг.)

Камчатские командиры в эти годы назначались и из Охотска, и из Иркутска, и из Тобольска, и даже из Петербурга, но подчинялись они иркутскому губернатору. Были и самозванцы.

Перечень камчатских командиров в 1764—1785 гг. приведен в табл. 3.

Таблица 3

Командир	Годы правления	Кто назначил
Плениснер Ф. Х., полковник	1764—1765	Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов 28.12.1763
Извеков И. С., капитан-лейтенант	18.10.1764— 19.05.1769	Екатерина II указом от 3.12.1763
Рахвалов, поручик	19.05.1769— 5.09.1769	Охотский главный командир Ф. Х. Плениснер
Нилов Г. Г., капитан	5.09.1769— 26.04.1771	Полковник Зубрицкий, следователь Иркутской губернской канцелярии
Беневский М.	27.04.1771— 12.05.1771	Самозванец, в результате бунта
Хметевский В. А., капитан-лейтенант	5.09.1771— июль 1773	Охотский главный командир Ф. Х. Плениснер
Шмалев Т. И., капитан	июль 1773— 15.10.1773	Иркутский губернатор А. И. Бриль 7.10.1771
Бем К. М., премьер-майор	15.10.1773— 15.03.1779	Екатерина II указом от 30.04.1772
Шмалев В. И., капитан	15.03.1779— 11.10.1780	Главный командир Камчатки К. М. Бем
Рейнеке Ф., коллежский ассессор	12.10.1780—1786	Иркутский губернатор Ф. Н. Кличка

Кстати, следует отметить, что двое из них участвовали во Второй Камчатской экспедиции. В 1739 г. штурман Василий Хметевский был направлен Берингом вместе со штурманом И. Елагиным на Камчатку для выбора места

зимовки своих кораблей. Елагин исследовал Авачинскую губу. «А отправленный де от него, Елагина, штурман Василий Хметевской устье реки Камчатки вымеривал, которое де явилось по ево мере глубиною 7,5 фута, точию за таким маловодствием построющимися для нашего вояжа пакетботами во оное устье войтить неможно...» — сообщал Беринг в Сенат [22, с. 212].

В 1742 г. Хметевский участвовал в третьем, неудачном плавании Шпанберга к берегам Японии, а в 1743—1744 гг. по поручению Шпанберга он, командуя шлюпом «Большерецк», производил опись западного берега Камчатки и юго-западного побережья Охотского моря. А капрал Фридрих Христианович Плениснер участвовал в плавании Беринга к берегам Америки на пакетботе «Св. Петр», исполняя обязанности живописца, и зимовал на острове Беринга в 1741—1742 гг.

Два других командира — братья Тимофей и Василий Шмалевы, сыновья главного командира Анадырского острога в 1754—1758 гг. премьер-майора Ивана Степановича Шмалева — получили известность как исследователи Камчатки. В. И. Шмалев занимал впоследствии должность командира Петропавловской гавани и умер здесь в 1799 г.

Это был период крайне противоречивый. В эти годы случились величайшая трагедия в истории Камчатки, унесшая жизни двух третей ее населения, — знаменитый «большерецкий бунт» 1771 г., посещение Камчатки экспедицией Дж. Кука и состоялось наиболее успешное в XVIII в. управление Камчаткой К. М. Бемом.

Как видно из приведенного списка камчатских командиров, период начался с двоевластия. В 1764—1765 гг. краем одновременно управляли два командира: Плениснер и Извеков. Случилось это из-за несогласованности действий сибирских, охотских и столичных властей.

Еще в 1753 г., когда Камчатка оставалась в составе Охотского управления и командиры на полуостров направлялись оттуда, был утвержден указом Сената анадырским главным командиром и командиром Камчатки секунд-майор И. С. Шмалев. Перед ним стояла задача усмирения чукчей и коряков. В связи со сложным положением на севере Камчатки и на Анадыре ему не удавалось заняться камчатскими делами, где управлял Чередов.

14 октября 1755 г. вышел новый указ Сената, предписывающий «обретающимся в Анадырском остроге офицерам и нижним чинам в числе 600 человек считаться камчатскою командою, и командиром над тамошними местами быть секунд-майору Шмалеву».

Но Шмалев заболел и 17 марта 1758 г. умер в Анадырске. Его сменил поручик Кекуров, а в 1760 г. по предложению сибирского губернатора Ф. И. Соймонова был утвержден Анадырским главным командиром подполковник Ф. Х. Плениснер, лично знакомый Соймонову по Охотску. Соймонов предписал Плениснеру, примирив чукчей и коряков, отправиться на Камчатку

и принять дела у Недозрелова. Плениснеру было приказано «озаботиться хлебопашеством в Камчатке», «осмотреть Курильские острова и стараться привести их в подданство. Разведывать также о тех островах, с которых привозятся морские звери», то есть об Алеутских, «послать лейтенанта Синдта... до американских берегов для осмотра».

Был в инструкции Соймонова шестой пункт, который привел впоследствии к столкновению Плениснера с Извековым: «Во всей Камчатке с служилыми людьми, какого бы они чина не были, если они окажутся обидчиками и разорителями, поступать не отписываясь» (то есть на месте) [18, с. 82].

В 1764 г. Плениснер отправил Соймонову рапорт о бесполезности Анадырского острога, который с 1710 г. дал в казну от инородцев 29 тыс. руб., а расходы на его содержание составили почти 1 млн 900 тыс. руб. Главным занятием команды вместо усмирения чукчей и коряков являлись поиски пропитания охотой и рыбной ловлей. Соймонов доложил об этом Екатерине II, и та 21 июня 1764 г. произвела Плениснера в полковники с тем, чтобы он остался в Анадырске до его уничтожения. Но Плениснер раньше получил новые указания Соймонова от декабря 1763 г. «переехать через Камчатку и, рассмотрев там все дела, следовать в Охотск, где исполнять должность главного командира».

Вот так Плениснер оказался осенью 1764 г. на Камчатке, где застал только что прибывшего из Петербурга по указу сената Извекова, принявшего дела у поручика Недозрелова. Извеков был направлен на Камчатку указом Сената от 3 декабря 1763 г. на пять лет «для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков». Извеков действительно управлял Камчаткой около пяти лет, до мая 1769 г. Но вместо «учреждения добрых порядков» прославился самодурством, жестокостью и безнравственностью. К счастью, он редко покидал Большерецк, а управление Верхне- и Нижнекамчатским острогами для наблюдения за хлебопашеством Плениснеру удалось поручить прибывшему с ним из Анадырска поручику Т. И. Шмалеву, отличавшемуся человеколюбием и вошедшему в историю как талантливый исследователь нашего края. Кстати, в Нижнекамчатске Шмалев подружился с руководителем базировавшейся там секретной экспедиции, изучавшей Алеутские острова, П. К. Креницыным, по поручению которого отправился в 1768 г. в Петербург с рапортом о деятельности экспедиции.

В Петербурге он встречался с академиком Г. Ф. Миллером, с которым впоследствии вел переписку, выполнял его научные поручения. Шмалев был принят Екатериной II, которая произвела его в капитаны.

До осени 1765 г. на Камчатке находился и давал свои распоряжения и Плениснер. Выполняя шестой пункт инструкции Соймонова и последующие указания сибирского губернатора, требовавшего в Камчатке «во всех местах вкоренившиеся в прежних командирах беспорядки истребить, как равно ли-

хоимство, взятки, грабежи пресечь», он предписал Большерецкой канцелярии не исполнять противозаконных приказаний Извекова. Покидая Камчатку, Плениснер приказал поручикам Рахвалову, Норику и Попову в случае буйства Извекова сменить его и выслать в Охотск. Но 26 апреля 1767 г. вышел указ Сената, запрещающий Плениснеру сменять камчатского командира.

Между тем, Извеков, избавившись от Плениснера, наслаждался своей властью в Большерецке. А. С. Сгибнев пишет: «Набрав шайку подобных себе пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов... Извеков с этой бурной ватагой ходил ночью по семейным домам, отнимал жен и дочерей, а сопротивлявшихся заковывал в кандалы». Во время его прогулок «жители Большерецка не смели показываться на улицу, потому что малейшее невнимание к его личности или просто невеселый вид приводил его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил ее до изнеможения... Казенным имуществом и казенными суммами он распоряжался как своей собственностью. Водки, провианта и других казенных продуктов он употребил для своего дома в течение пяти лет на 68 259 руб. 84 коп. [18, с. 86].

Вот так камчатский командир «охранял верноподданные народы и учреждал добрые порядки».

Единственное, что было при нем исполнено из предписанного Сенатом, это требование «об изыскании незнакомых земель и островов». В 1768 г. Большерецкий сотник Иван Черный впервые побывал на южных Курильских островах, сделал описание всей Курильской гряды и собрал ясак с жителей Итурупы и Кунашира, то есть фактически привел их в российское подданство, и доказал утверждение М. П. Шпанберга 1739 г., что эти острова «не под властью японского хана» [23, с. 140].

В мае 1769 г. терпение жителей Большерецка лопнуло. Гарнизон, жители и команда зимовавшего в Большерецке судна «Св. Павел» во главе с поручиком Рахваловым взяли штурмом канцелярию, арестовали Извекова и отправили его в Охотск, где его после суда разжаловали в рядовые. За командира до присылки нового остался поручик Рахвалов.

Поводом к восстанию послужила бездеятельность Извекова во время страшной эпидемии оспы, завезенной осенью 1768 г. из Охотска. Оспа свирепствовала до весны 1769 г. Вымирали целые селения. По данным, собранным полковником Зубрицким, направленным из Иркутска еще до эпидемии для разбирательства отношений между Плениснером и Извековым, оспа унесла жизни 5 767 камчадалов и 315 «заезжих людей», то есть русских. Из 2 573 плательщиков ясака в живых осталось лишь 856, то есть треть [18, с. 90].

Но и на этом беды камчадалов не закончились. В 1769 г. случился большой недоход рыбы, приведший к страшному голоду зимой 1769—1770 гг. среди оставшихся трех тысяч камчадалов. В Иркутске даже появился проект

пополнения населения Камчатки за счет переселения туда двухсот семейств якутов, переболевших оспой, но Сенат отклонил это предложение.

Не повезло и с новым командиром. На смену Рахвалову Зубрицкий привез капитана Нилова, бывшего прежде командиром Гижигинский крепости. Нилов вступил в должность 5 сентября 1769 г. и пробыл в ней немногим более полутора лет до своей гибели во время «большерецкого бунта» 26 апреля 1771 г. Он оказался никчемным командиром, добродушным и вечно пьяным.

Впоследствии иркутский губернатор Бриль спрашивал Зубрицкого, почему он назначил камчатским командиром Нилова, «который, как всем известно, был офицер слабый и всегда нетрезвый».

Нилов оказался единственной жертвой бунта, организованного группой ссыльных офицеров во главе с бароном Морицем Августом Беневским. Целью заговорщиков был побег с Камчатки, который им удался. После убийства Нилова Беневский объявил себя командиром Камчатки и был им фактически две недели до отплытия с полуострова 12 мая 1771 г.

Беневскому удалось вовлечь в заговор значительную часть жителей Большерецка разных сословий. Кроме восьми ссыльных офицеров, с ним бежали более шестидесяти человек: матросы, крестьяне, казаки, промышленники, камчадалы. Учитывая, что в то время в Большерецке проживали 35 семейств обывателей, 70 чел. гарнизона, да зимовали два судна: «Св. Екатерина» купца Холодилова и казенное «Св. Петр», это немало. На «Св. Петре» заговорщики и бежали, захватив казенную пушнину, продовольствие и оружие.

В Охотске стало известно о бунте лишь 9 июля, когда туда пришла «Св. Екатерина». Плениснер был обязан сообщить о происшествии в течение трех дней, но почему-то отправил донесение в Иркутск лишь полтора месяца спустя, 27 августа, за что впоследствии был уволен со службы.

В сентябре 1771 г. для управления Камчаткой и проведения следствия о бунте был направлен капитан-лейтенант В. А. Хметевский. По поводу этого назначения, сделанного Плениснером, Зубрицкий доносил в Иркутск, что «Хметевский, по старости лет, легкомыслию и привычке вмешиваться не в свои дела... не может оставаться на месте камчатского командира».

Поэтому губернатор Бриль 7 октября 1771 г. предложил вернувшемуся из Петербурга капитану Т. И. Шмалеву «немедленно отправиться в Охотск и оттуда на Камчатку командиром». Но из-за болезни Шмалев смог прибыть в Большерецк и сменить Хметевского лишь в июле 1773 г.

За это время поменялось руководство и в Охотске. 10 октября 1772 г. Плениснера сменил полковник Зубрицкий. Побег Беневского сильно обеспокоил власти. Полагая, что Беневский может вернуться на Камчатку с иноземными судами, Зубрицкий просил иркутского губернатора усилить гарнизоны острогов людьми, пушками и ружьями. Он пишет, что пушки «все старого манера и с раковинами», а у кого и есть ружья, то негодные. Во всех восьми

острогах Охотского правления было 649 солдат и казаков, более половины которых находилось в двух — Охотске и Гижигинской крепости [18, с. 96—97].

Лишь бунт Беневого заставил, наконец, обратить серьезное внимание на Камчатку. Сама императрица проявила интерес к камчатским беспорядкам, предписав иркутскому губернатору усилить оборону территории, а 30 апреля 1772 г. подписала указ о назначении камчатским главным командиром лично ей известного премьер-майора Магнуса Карла фон Бема.

В Иркутске Бем получил от губернатора Бриля подробную инструкцию из 29 пунктов. В ней говорилось: «1) Поручается вам в команду вся Камчатская земля и все живущие там лица, Большерецкий, Верхний и Нижний остроги, Тигильская крепость и вновь построенная в Пенжинской губе в 1752 году Ижигинская крепость, которая до сего состояла в ведении охотской канцелярии, а также принять в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки лежащие острова и на них живущих ясашных инородцев... 4) Вам же самим с камчатской большерецкой канцелярией состоять единственно под начальством иркутского губернатора и иркутской губернской канцелярии...» [19, с. 5—6].

Таким образом, камчатский командир стал именоваться главным, и Камчатка впервые официально была подчинена непосредственно губернатору, хотя и не была выделена в самостоятельную административную единицу. Расширялась и территория, управляемая камчатским командиром, за счет земель Гижигинской крепости. Эта территория почти совпадает с границами современного Камчатского края.

Инструкция Бриля предписывала Бему заняться укреплением обороны Камчатки, развитием сельского хозяйства, завести железоделательный завод, продолжить исследование южных Курильских островов и стараться привести в российское подданство их жителей — «мохнатых курильцев».

Бем вступил в управление Камчаткой 15 октября 1773 г. и находился в должности до лета 1779 г. Это были наиболее благоприятные для края годы за весь XVIII в.

Вот какую оценку деятельности Бема дает А. С. Сгибнев: «По прибытию в Камчатку Бем, прежде чем приступить к каким-либо распоряжениям, счел необходимым ознакомиться с условиями вверенного ему края и бытом его обывателей. Для этой цели он посетил многие селения инородцев, входил в мельчайшие подробности их жизни и как нежный отец не отказывал никому в добром совете и рассмотрении жалоб, хотя бы оне касались только семейной жизни. Примером своим он укротил наглость служилых, примирил их с туземцами и уничтожил, по возможности, взяточничество. Словом, его уму, честности, энергии и справедливости во всех действиях туземное население обязано своим освобождением от рабства и угнетения, тяготевших на нем более полувека» [19, с. 13].

Бем завел в каждом селении общественные и частные огороды, посадки картофеля, в первые годы были получены неплохие урожаи ржи, овса и ячменя. Он возродил железоделательный завод близ Верхнекамчатска, который при его преемниках был заброшен «за скудостью руды и непрочностью железа». Бем завел казенный солеваренный завод, чем снизил цены на соль более чем в двадцать раз. Он стал назначать на каждое судно, отправлявшееся на промысел на Алеутские острова, по два унтер-офицера для сбора ясака и для предотвращения грубого обращения промышленников с туземцами. Бем значительно увеличил доходы казны, содержа на эти средства всех служащих и тратя на преобразование края. Военных в четырех острогах Петропавловской гавани при нем насчитывалось 692 чел.

Много внимания Бем уделял развитию школ, построил первую на Камчатке больницу, в которой работал первый врач на полуострове — лекарь Робек.

Планы Бема шли гораздо дальше. Он намеревался завести больницы во всех шести камчатских крепостях, учредить на Камчатке навигацкую школу, перенести управление ближе к центру полуострова — в Тигильскую крепость, и даже предлагал объединить управление Камчатки с Охотском для своевременного снабжения края всем необходимым. Но этим планам не суждено было сбыться из-за противодействия нового губернатора Ф. Г. Немцова, сменившего А. И. Бриля в 1776 г. Немцов подозрительно относился к Бему из-за его переписки с генерал-прокурором Сената князем А. А. Вяземским. Вяземский же вел переписку с Бемом по требованию Екатерины II, которая интересовалась камчатскими делами после бунта Беневского. В конце концов Немцов добился предания Бема суду по делу в связи с нападением чукчей на коряков, но Бема оправдали.

Выполняя инструкцию Бриля, Бем в 1775 г. отправил на южные Курильские острова экспедицию И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина, которая в 1778—1779 гг. собирала ясак не только на южных Курилах, но и на северо-восточном побережье Хоккайдо, обратив многих «мохнатых курильцев» в православную веру.

14 марта 1778 г. Бем сдал дела новому командиру капитану Василию Шмалеву, брату Тимофея Ивановича Шмалева. Но не успел Бем покинуть Камчатку, как пришло известие о том, что в Петропавловскую гавань зашли корабли Третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука под командой Ч. Кларка. Бему, как старшему по званию, пришлось вернуться к делам и заняться организацией помощи англичанам. Он проявил себя как неплохой дипломат. Бем распорядился бесплатно снабдить англичан продовольствием и обещал к следующему их приходу (он состоялся осенью того же года) доставить из Охотска все необходимое для ремонта.

Приход англичан вновь обратил внимание властей на необходимость усиления обороны Камчатки. А. А. Вяземский писал 10 декабря 1779 г. уже

новому иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке, что императрица по поводу донесения о приходе в Камчатку англичан изволила указать, чтобы «Камчатку привести в оборонительный вид непременно, так как путь туда сделался уже известен иностранцам». А «оборонительный вид» Камчатки оставался плачевным. В. И. Шмалев писал, что «все ружья у казаков негодныя. Из Якутска и Охотска высылаются в Камчатку только те из них, которые не могут быть употреблены там в дело. Хорошей артиллерии и канониров также нет. Все имеющиеся здесь пушки скорее сделают вред нашей прислуге, чем неприятелю, а канониры вовсе не знают своего дела, так что при пальбе в высокаторжественные дни редко обходится без несчастья. При отбытии англичан из Большерецка, служителя, заряжавшего пушку, совсем разбило» [19, с. 21].

Второй приход английской экспедиции состоялся уже после отъезда Бема. В. И. Шмалев принял участие в похоронах умершего перед заходом в Петропавловск руководителя экспедиции капитана Кларка.

Все необходимые англичанам припасы доставили при содействии Бема из Охотска, из Верхнекамчатска пригнали скот. Кстати, благодарные англичане подарили Шмалеву за содействие экспедиции настольные часы, принадлежавшие Куку. Бем впоследствии получил от английского правительства большую серебряную вазу с дарственной надписью, а английское Адмиралтейство назначило ему пенсию, от которой он отказался. Получил подарки и ссыльный П. М. Ивашкин, привезенный из Верхнекамчатска и выступавший в роли переводчика. Восемь лет спустя Шмалев и Ивашкин встречали в Петропавловской гавани еще одну иностранную экспедицию — Лаперуза.

В. И. Шмалеву пришлось быть главным командиром Камчатки полтора года. Правда, ему снова пришлось возглавить Камчатку десять лет спустя, но уже не в должности главного командира, а исправника Нижнекамчатского уезда в составе Охотской области и в подчинении у охотского коменданта, а позднее он был назначен командиром Петропавловской гавани.

11 сентября 1780 г. на смену Шмалеву прибыл новый главный командир — коллежский ассессор Франц Рейнеке. Назначен он был по представлению другого Франца — иркутского губернатора Ф. Н. Клички. Шмалева назначили командиром Тигильской крепости, где он пробыл почти десять лет.

Рейнеке поручалось укрепить Петропавловскую гавань, обратить внимание на хлебопашество, огородничество и скотоводство. С хлебопашеством, как и у предшественников, случилась неудача, огородничество поддерживалось, скотоводство развивалось. В 1781 г. на Камчатке было 138 лошадей и 272 головы крупного рогатого скота. Рейнеке поддерживал железодельный завод, построив на нем две новые печи, но к этому времени привозное железо стало вдвое дешевле камчатского, и завод вскоре закрылся. В Мильков-

ском селении устроили первую водяную мельницу, просуществовавшую почти пятьдесят лет.

Деятельность Рейнеке во многом напоминает стиль работы Бема. Он также собирался перевести управление в Тигиль, но, узнав, что в р. Тигиль наблюдается постоянный недолов рыбы, отказался от этой затеи.

Энергичная деятельность Рейнеке прервалась новой административной реформой 1783 г. Сначала было создано Иркутское наместничество, а затем Иркутскую губернию разделили на четыре области, в том числе Охотскую, в которую Камчатка вошла тремя уездами: Нижнекамчатским, Акланским и Гижигинским. Рейнеке пришлось заниматься обустройством центров уездов, названных городами. 27 февраля 1785 г. он перенес управление из Большерецка в Нижнекамчатск.

В том же году Рейнеке открыл управление в Гижигинске. А вот открытие третьего города задержало Рейнеке на целый год. Акланский острог был оставлен русскими еще в 1746 г., а в 1748 г. сожжен коряками. Рейнеке решил поставить город на р. Палане, но место оказалось безрыбное и безлесное. Пришлось временно устроить Акланское управление в Тигильской крепости. Только в 1786 г. нашли место на р. Аклан (Оклан), куда перевели управление из Тигиля, и Рейнеке смог покинуть Камчатку.

Так, бесславно начавшись с двоевластия Извекова и Плениснера, третий — иркутский — период так же бестолково и закончился многовластием главного командира, трех исправников и трех городничих. Но впереди Камчатку ждали еще более трудные времена.

4. НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ПЕРИОД (1785—1812 гг.)

В эти годы в России сменились три императора, и все они проводили реформы управления по принципу В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Совершенно непригодными для камчатских условий оказались реформы 1783 г., особенно проведенная по указу Екатерины II от 2 марта 1783 г. «О составлении Иркутской губернии из четырех областей». Согласно этому указу появилась самостоятельная Охотская область, включавшая в себя бывшее Охотское приморское управление и Камчатку, на территории которой были образованы три вышеупомянутых уезда.

Глава области стал называться комендантом, во главе уездов встали исправники, во главе городов — городничие. Камчатским исправником назначили Иоганна Штейнгеля, отца будущего известного декабриста В. И. Штейнгеля, городничим — иркутского чиновника коллежского асессора Орленкова. Полномочия их часто пересекались, они отдавали противоречивые приказания, возник конфликт. Совершавший инспекционную поездку по Камчатке охотский областной комендант полковник Г. А. Козлов-Угренин смес-

тил Штейнгеля и всю власть передал Орленкову. Кстати, до этого он также сместил исправников в Гижиге — Гауза и в Акланске — Беннера.

Но конфликты между чиновниками уездов не были главной бедой для населения Камчатки. Ее наводнила масса чиновников, которые разъезжали по своим делам, не платя проездов, и отвлекали население от занятий промыслами. Самой большой бедой, приведшей к страшному голоду и другим бедам, стала «собачья оспа». Так камчадалы называли поездку по краю Козлова-Угренина в 1787—1788 гг., когда погибли от голода и тяжелой работы почти все собаки. Козлов-Угренин объяснял иркутскому губернатору, что цель его поездки была «для заведения порядка и устройства чукок и коряк, а также для того, чтобы ознакомиться с краем, ибо без того он был только начальником для вида и не мог бы следить за соблюдением там законов».

Эта забота обернулась тем, что в повозки огромной свиты коменданта зимой впрягались по 400—500 собак, а летом по рекам плоты с этой свитой тянули, как бурлаки, сотни камчадалов. Зимой выгонялись жители селений, чтобы расчищать путь каравану, вырубая кустарник и деревья. Свита Козлова-Угренина скупала за безделушки меха у населения.

Во время этой поездки Камчатку посетила экспедиция Лаперуза, и часть свиты во главе с комендантом прибыла в Петропавловскую гавань, а после ухода французов продолжила «инспекцию». Два года городничие и чиновники были заняты обслуживанием Козлова-Угренина и его свиты, забросив все дела.

В 1790 г. Козлов-Угренин сместил и Орленкова и отдал его под суд. Городничим был назначен секунд-майор В. И. Шмалев. Но на этот раз Шмалеву пришлось вскоре уступить власть прибывшему на зимовку в Петропавловск руководителю Северо-Восточной секретной экспедиции И. И. Биллингсу, который в 1779 г. уже бывал в Петропавловске как участник третьего плавания Кука. Указом Екатерины II от 9 января 1790 г. Биллингсу поручалось организовать оборону владений на Восточном океане от возможного нападения капитана Кокса на шведском военном корабле «Меркурий». Шмалева назначили командиром Петропавловской гавани для оказания содействия Биллингсу. Но укреплять гавань оказалось нечем, и только в 1796 г., когда были доставлены пушки из Охотска, удалось из 27 орудий соорудить шесть батарей.

Не дождавшись нападения Кокса, летом 1791 г. Биллингс оставил Камчатку, и вновь власть перешла к Шмалеву. В декабре прибыл новый городничий — коллежский ассессор Воеводский. Шмалев долго не хотел признавать его власть над собой, писал на него доносы в Иркутск, а Воеводский писал на Шмалева. Закончилось дело тем, что в 1794 г. обоих отдали под суд, Воеводского вызвали в Охотск, а Шмалев остался в Петропавловске, где и умер в декабре 1799 г.

На смену Воеводскому в 1794 г. прибыл губернский секретарь Крылов. Но он занимался перепиской с иркутским губернатором с жалобами на ужасный камчатский климат и бедность чиновников. Вот их типичный образец: «Камчатский край окружен со всех сторон, кроме северной, морем и изобилует во множестве горящими сопками, извергающими пламя совокупно с густейшим дымом, производящим грубый мрак, заражающий самый воздух, который, меняясь с морским влажным, составляет яд, расслабляющий человека, наводящий на него уныние, умаляющий силы, портящий кровь, умножающий болезненные припадки и даже влекущий за собою народные бедствия; а потому вино и здоровая пища при таких климатических условиях необходимы для подкрепления здоровья. Но к этим-то предметам и нет приступу бедным чиновникам и обитателям здешняго края. Вино продается по 46 руб. за ведро — цена неслыханная! Казне прибыток, а жителям отягощение!» [19, с. 35].

Могли ли чем-то способствовать развитию и процветанию края руководители с таким отношением к объекту своего управления! Целых три года управлял Камчаткой Крылов, ожидая разрешения на выезд. В 1797 г. его сменил нижнекамчатский чиновник Фролов, прославившийся еще в 1790 г. тем, что после отъезда Орленкова не желал сдавать дела Шмалеву. Помогло лишь вмешательство Биллингса. Но в 1798 г. Фролов попал под суд за пьянство и плутовство, а приехавший ему на смену в 1799 г. Щеглов в том же году был отозван назад в связи с новыми преобразованиями в управлении краем, получившими название «сомовского поветрия». Итак, реформа 1783 г. оказалась полностью провальной. Камчатка, которая при Беме и Рейнеке не только окупала себя, но и стала давать прибыль, снова начала приносить убытки.

В 1796 г. началась губернская реформа Павла I. В ее рамках для усиления обороны Камчатки 3 октября 1798 г. было решено сформировать из батальона полковника А. А. Сомова полк и расположить: шефскую роту в Нижнекамчатске, по одной роте при штаб-офицерах в Петропавловской гавани, Охотске и Удском остроге. На формирование полка, его укомплектование и доставку потратили огромные суммы. Но они оказались несравнимы с несчастьями для населения Камчатки и убытками для казны, произошедшими после прихода полка и ставшими результатом его содержания там.

Солдаты сомовского полка завезли эпидемию горячки. Уже на переходе из Охотска умерли 30 чел. Вместо Нижнекамчатска Сомов приказал направиться в Петропавловскую гавань, откуда в зиму 1799—1800 гг. началась перевозка роты с багажом на собачьих упряжках через всю Камчатку в Нижнекамчатск. Болезнь распространилась по полуострову и унесла жизни более 2 000 чел., в том числе 350 русских [19, с. 36].

Вымерли целые селения. По масштабам это бедствие было сопоставимо с эпидемией оспы 1768—1769 гг. Ведь к этому времени население Камчатки

едва превышало 4 000 чел. Перевозка самих солдат, продовольствия, прибывшего для них, опять лишила камчадалов половины собак. Были заброшены промыслы. Кроме того, чтобы солдаты не торговали казенным порохом, Сомов запретил продавать его частным лицам.

Привезенного провианта не хватало, Сомову пришлось урезать пайки вдвое, заменив вторую половину порсой (порошком из сушеной рыбы), а затем и вчетверо. Солдатам было негде жить. Многие из них завезли собак и разрезжали по селениям для торговли.

И тогда у иркутских чиновников возникла идея перевести камчатский гарнизон на самообеспечение продовольствием. Иркутский военный губернатор Б. Б. Лещано вышел с предложением: «С одной стороны, по великим издержкам казны на доставку полку Сомова провианта и аммуниции, по изнурении якутов (перевозивших грузы из Якутска в Охотск. — *В. А.*) и по неверной, а нередко гибельной перевозке провианта чрез море на транспортных судах, а с другой, по удобству камчатского климата к размножению хлебопашества и скотоводства (эти неверные сведения Лещано получил от бывшего нижнекамчатского городничего Воеводского. — *В. А.*), весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомов полк по примеру бывших ландмилицких полков (военных поселений. — *В. А.*); от чего впоследствии вознаградились бы все издержки казны, и не только одно войско тамошняго края вкушало бы хлеб от своего земледелия, но и все жители безбедно могли бы оным довольствоваться» [19, с. 38].

Вот таким мечтателем был военный губернатор, генерал от инфантерии Б. Б. Лещано. Он даже рассчитал выгоду от этого, которая обещала расходы лишь в первый год эксперимента в 41 000 руб., в то время как трехгодичная доставка провианта на Камчатку обошлась в 225 000 руб., и дальше расходы оставались бы на том же уровне. Лещано предполагал занять хлебопашеством две трети солдат, а остальных оставить для караулов. Но чтобы солдаты-хлебопашцы не забыли службы, они должны были ежегодно проходить трехнедельные военные сборы.

29 декабря 1801 г. предложения Лещано были утверждены указом Александра I. Сомов сообщил, что он намерен Петропавловскую (101 чел.) и Большерецкую (93 чел.) роты поселить в Верхнекамчатске, а из двух Нижнекамчатских рот (219 чел.) одну расположить близ Ключевского селения, другую — близ селения Машуры (недалеко от современной Долиновки Мильковского района). Штаб полка должен был размещаться в Верхнекамчатске.

Началось новое переселение. Сомов запросил в августе 1802 г. дополнительные средства, которые ему были отпущены. Но появились новые расходы на доставку из разных губерний солдатских и офицерских семей. Семена для посева 1803 г. были испорчены, новые высланы из Иркутска лишь в 1807 г., а прибыли на Камчатку в 1809 г. Скот, посланный из Якутска своим ходом,

почти весь погиб в пути от бескормицы. Новые расходы отдачи не давали, а старые не прекращались: все это время через Охотск морем отправляли провиант на Камчатку. Вскоре всех переселенцев из Верхнекамчатска и Машиур снова перевели в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск.

Охотская флотилия не справлялась с доставкой провианта для камчатского гарнизона, а в то же время на казенных судах перевозились преимущественно грузы Российско-Американской компании, которая торговала продовольствием на Камчатке по баснословным ценам. Казенные суда в Охотске строились по три года, а компанейские (для РАК) — за год.

Вновь назначенный вместо уехавшего в 1802 г. по слабости здоровья Сомова генерал П. И. Кошелев угрожал командиру Охотского порта вице-адмиралу Фомину, что будет конфисковывать компанейские товары, присланные в ущерб казенным. Кошелев обратился к Александру I с предложением подчинить Охотск камчатскому коменданту. Был создан особый комитет из трех министров — коммерции, военного и морского — и сибирского генерал-губернатора. Комитет постановил: «Охотский порт не подчинять камчатскому коменданту, а для управления Камчаткою учредить областное правление из судьи, исправника и двух заседателей под председательством коменданта, которому именоваться правителем Камчатской области... Ижигинский округ подчинить коменданту, а областное правление — иркутскому губернатору; по части же судной — иркутской уголовной палате. Камчатскому гарнизону состоять из 5-ти рот: четырем находиться в Камчатке и одной в Ижиге. Из 4-х камчатских рот две иметь на ландмилицком положении, а остальные на положении гарнизонном... Местопребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск» [19, с. 41].

11 августа 1803 г. это постановление было утверждено Александром I. Таким образом, Камчатка впервые получила статус самостоятельной области, в состав которой была включена территория трех бывших уездов Охотской области: Нижнекамчатского, Акланского и Гижигинского. Города Акланск и Гижига (Ижига) были упразднены.

Кошелев вскрыл массу злоупотреблений своего предшественника и его офицеров. В частности, казенный порох продавался через магазины РАК. Кошелев конфисковал у компании весь порох, а ее приказчика Хлебникова арестовал. Кошелев убедился, что хлебопашество на Камчатке невозможно, а скотоводство можно развивать в больших размерах и просил выслать сто семейств якутов со своим скотом. Он завел ряд казенных солеваренных заводов, предложил ряд толковых проектов по развитию вверенного ему края, но они утонули в переписке с Иркутском.

Кошелев проявил себя как честный, умный, деятельный и образованный правитель. Высокую оценку его деятельности дал И. Ф. Крузенштерн, трижды посещавший Камчатку в 1804 и 1805 гг. Крутые меры, которыми Кошелев

пытался наводить порядок в камчатском батальоне, привели к организации заговора против него во главе с полковником Сибиряковым. Тридцать семь заговорщиков арестовали. Следственное дело было направлено иркутскому губернатору Н. И. Трескину, который не переносил Кошелева за его честность и прямоту. Так, однажды Кошелев резко отозвался о чиновниках из Иркутска, назначенных членами областного правления: «... чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске или по каким-либо другим неизвестным для меня побуждениям, прислали их сюда членами областного правления, и потом требуете, чтобы я присутствовал, а, следовательно, и советовал с этою грязною компаниею свиней» [19, с. 46].

Трескин представил дело сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю в извращенном виде, и тот предписал Кошелеву освободить всех арестованных. На это Кошелев послал генерал-губернатору резкое донесение, обвинив его в пристрастности: «... подобного рода несправедливое решение могло произойти только оттого что Пестель зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействии Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому вам не хочется обвинить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всемогущей Российско-Американской К^о, будучи зятем правителя дел главного ее правления Зеленина. Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастен к моим противникам» [19, с. 47].

Силы были неравны. После такого обвинения Пестель добился отстранения Кошелева. Вместо него 14 ноября 1806 г. правителем Камчатской области был назначен генерал-майор Петровский, которому поручалось произвести строжайшее следствие над Кошелевым и задержать его на Камчатке до особого распоряжения.

4 сентября 1807 г. Петровский принял управление Камчаткой. Более двух лет Кошелев провел под следствием на Камчатке и в Иркутске и был отправлен в Петербург, где предан суду. Но до окончания суда он поступил в ополчение и за проявленную храбрость в Отечественной войне 1812 г. был освобожден от суда.

Петровский управлял Камчаткой до конца 1812 г., когда над ним было начато следствие; а по прибытии в Иркутск его отдали под суд за множество злоупотреблений.

К этому времени власти и сами поняли, что с управлением Камчаткой надо что-то срочно делать. В 1809 г. Трескин вошел с представлением к Пестелю, в котором предлагал для блага жителей Камчатки и Якутского края, разоренного ежегодной транспортировкой провианта и разных батальонных грузов, вывести с полуострова бесполезные войска: «... край упал до того, что не скоро может поправиться». А доктор Шпер, посетивший Камчатку в 1808—1809 гг., писал: «Для чего был приведен баталион в Камчатку? Если

для умирения жителей, то это лишнее, потому что загнанные и угнетенные камчадалы не в состоянии уже решиться на какую-либо отчаянную меру. Если для защиты гаваней, то бесполезно, потому что ни у одного солдата нет порядочного ружья, а гавани не имеют даже посредственных укреплений. Для того, отвечаем мы, чтобы истребить и жителей, и солдат!» [19, с. 54].

11 января 1811 г. начал действовать особый комитет под председательством И. Б. Пестеля, в который вошли вице-адмирал Г. А. Сарычев, капитан И. Ф. Крузенштерн, профессор Г. И. Лангсдорф и лейтенант Л. А. Гагемейстер — люди, хорошо знавшие проблемы Камчатки и равнодушные к ним. Г. И. Лангсдорф, участник первого кругосветного плавания, писал о последствиях пребывания сомовского полка: «Грязные, ленивые, невежественные и совершенно незнакомые с сельским хозяйством, они уже с момента их прибытия на Камчатку стали приносить стране больше вреда, чем пользы. Они стали большой нагрузкой для камчадалов, ибо их жестоко эксплуатировали различными способами, заразили оспой, венерическими болезнями, распространили физические и моральные пороки. Так что если правительство не вмешается срочно, местные жители, число которых с десяти тысяч сократилось до трех, вскоре полностью исчезнут» [13, с. 163].

У И. Ф. Крузенштерна в его «Путешествии вокруг света» есть целая глава «О нынешнем состоянии Камчатки», где он излагает свою программу преобразований на Камчатке. Он пишет: «Чрезмерное отдаление Камчатки от главных мест и благоустроенных стран России и настоящая ее бедность суть виною, что об ней распространилась слишком худая слава. Даже самое имя Камчатки выговаривается со страхом и ужасом» [8, с. 267].

Крузенштерн пишет о главных проблемах: нехватке хлеба и соли, отсутствии медицинской помощи, страшной дороговизне. «Доставление самых легких товаров возвышает цену на оные многими сотнями процентов», но «Камчатку можно было бы удобно снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо европейского русского порта. Цены всех нужных вещей понизились бы многими сотнями процентов» [8, с. 270].

О причинах нерадивости чиновников и офицеров он пишет: «Всякий, посылаемый в Камчатку, отправляется поневоле... а потому и посылались по большей части в Камчатку офицеры обыкновенно худого поведения... Худой офицер, присланный в Камчатку на неограниченное время, не имея никакой надежды выехать оттуда, нимало не печется себя исправить. Дурные его поступки причиняют беспрестанные неприятности начальнику, и слава всей нации может в таких отдаленных местах страдать от таковых людей, несущих имя российского офицера» [8, с. 274].

О врачах он пишет, что их надо направлять на четыре года и определять им достойное содержание. «Определяемых для Камчатки врачей надобно

отправлять туда водою потому, чтобы можно было им удобно взять с собою всякое платье, мебель, книги, пособия, инструменты и другие... вещи» [8, с. 275].

Много разумных предложений дает Крузенштерн о развитии сельского хозяйства и различных промыслов, о необходимости создания адмиралтейства в Петропавловске для постройки судов. Много говорит он о тяжелом положении камчадалов: «...не могу я умолчать о сих честных людях, которые в доброте сердца, в верности, гостеприимстве, постоянстве, повиновении и преданности к начальникам не уступают многим самым просвещенным народам. Совершенное истребление камчадалов будет великою потерей для сей страны... После повальной болезни, похитившей в 1800 и 1801 гг. более 5 000 камчадалов, осталось в острогах только по 15 или 20 человек, а во многих гораздо меньше... Теперь находится в Камчатке, кроме казаков, батальон солдат и около двадцати офицеров; число же камчадалов весьма уменьшилось. Итак, нетрудно заключить, что последние отвлекаются часто от работ своих, не получая за то никакого вознаграждения» [8, с. 285].

С подобными предложениями ранее обращался лично к Александру I и глава РАК Н. П. Резанов: «...Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Японией открыт будет, и сделаться важным городом... Камчатка есть отнюдь не бедная земля и, напротив того, нахожу, что сама природа изобилием даров своих приглашает сюда людей к поселению... Я должен так же Вашему Императорскому величеству представить замечания мои о предметном здесь уменьшении народа:

1-е. Недостаток медицинских чинов, от которого оспа, желтые горячки и другие повальные болезни вырывают здесь людей селениями... многие опустошены поголовно, и нет средств к прекращению таковых бедствий, сверх того свирепствует болезнь венерическая. 2-е. Недостаток хлеба. 3-е. Недостаток соли; при всем обилии рыбы бедные жители не имеют возможности запастись ею... 4-е. Недостаток пороха останавливает также возможность пользоваться изобилующею здесь дичиною и дикими баранами. 5-е. ...недостаток женского пола. Здесь теперь более, нежели на тридцать человек по одной женщине...

Горячие ключи близ Малькинского селения дают способ устроить при них больницу» [13, с. 159—160].

Несомненно, что столь авторитетные мнения не могли быть не замеченными властями. Крузенштерн сделал такой вывод: «В Камчатке можно было бы жить столь же хорошо или еще лучше, нежели во многих других провинциях России. Надлежит только принять меры... до благоустроения и управления Камчатки» [8, с. 269].

5. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПЕРИОД (1813—1856 гг.)

И такие меры были приняты. Особый комитет под председательством И. Б. Пестеля составил план преобразований, получивший название «Новое положение о Камчатке» и утвержденный Александром I 9 апреля 1812 г. В положении содержались 90 пунктов, детально регламентировавших основные преобразования в управлении Камчаткой. Областное управление ликвидировалось. Ликвидировался и камчатский батальон. Вместо него создавалась флотская экипажная рота из 122 чел., располагавшаяся в Петропавловской гавани, и казачья команда из 55 чел.

Управление Камчаткой поручалось начальнику из опытных морских офицеров, который был обязан прослужить в должности пять лет, будучи одновременно и командиром флотской экипажной роты. Местопробыванием начальника определялась Петропавловская гавань. Начальник Камчатки подчинялся непосредственно сибирскому генерал-губернатору. Одной из важных мер по облегчению положения населения, предложенных И. Ф. Крузенштерном, была отправка каждые два года транспортного судна и военного фрегата из Кронштадта на Камчатку [19, с. 55—68].

Всего в период действия «Нового положения» в должности начальника Камчатки прослужили восемь морских офицеров. Не все они оказались идеальными руководителями, но одно преимущество перед начальниками прежних времен у них имелось: среди них мы не найдем откровенных самодуров, взяточников и казнокрадов. Все они в меру своих способностей заботились о развитии вверенного им края, хотя и медленно, но поднимавшегося из запустения и разрухи. В голодные безрыбные годы начальники Камчатки принимали меры, чтобы не допустить голодного мора. Большую поддержку в снабжении края оказали кругосветные экспедиции.

Первым начальником Камчатки предполагалось назначить Петра Ивановича Рикорда. Но он был занят в это время вызволением из японского плена своего командира по второму кругосветному плаванию на шлюпе «Диана» В. М. Головнина. Утверждение Рикорда по разным причинам затягивалось, и иркутский губернатор Трескин поручил временно исполнять должность начальника лейтенанту И. Рудакову.

«Временное» исполнение обязанностей начальника Рудаковым длилось более четырех лет. Он принял управление Камчаткой от генерал-майора Петровского 23 января 1813 г. и сдал его П. И. Рикорду в мае 1817 г. Рудакову в основном пришлось заниматься расформированием камчатского батальона, созданием флотской экипажной роты и устройством пожелавших остаться на поселении солдат.

Наибольшие преобразования на Камчатке происходили в период управления П. И. Рикорда с мая 1817 г. по ноябрь 1822 г. Ему пришлось принять

энергичные меры по предотвращению голода из-за недолова рыбы в 1816—1818 гг. и в 1820 г. Большое количество казенного продовольствия было роздано камчадалам бесплатно или продано по умеренным ценам. У коряков приобретались стада оленей, которых распределяли по камчадалским селениям. Рикорд посетил их почти все, прекрасно знал нужды жителей. Он открыл больницы в Мильково и Тигиле на тридцать мест каждая. При нем была проведена перепись населения, по которой значилось камчадалов в 49 селениях 2 758 чел., 599 «сидячих» коряков и 67 курильцев, то есть всего 3 424 чел. Русских в тринадцати селениях проживало 1 346 чел. В 1820—1821 гг. в районе Тигиля обосновались 349 оленных коряков, пришедших из-под Гижиги.

В 1817 г. Рикорд основал ремесленную школу и в 1820 г. духовное училище. Он привез с собой шесть ремесленников-якутов, а в 1822 г. новый сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский отправил на Камчатку еще 22 мастеровых, которые обслуживали нужды населения и преподавали в ремесленной школе, где готовили столяров, плотников и слесарей.

Для укрепления обороны порта были построены три батареи, вооруженные 37 орудиями.

Рикорд пытался завести торговлю с иностранцами и организовать китобойный промысел. Но комитет министров отклонил его предложения, поручив заниматься этим РАК, которая не была заинтересована ни в том, ни в другом. В конце 1821 г. по настойчивой просьбе Рикорда Александр I разрешил поставку товаров иностранными торговцами, что оказалось значительно дешевле поставок РАК. Китобойный промысел у берегов Камчатки РАК наладить так и не смогла, и его взяли в свои руки американцы: в 1830—1850-е гг. у побережья Камчатки промышляли до пятисот китобойных судов.

П. И. Рикорд разработал проект преобразования Петропавловска в «настоящий порт», который был одобрен М. М. Сперанским и адмиралтейством, но не все успел сделать из-за недостатка строительных материалов. Проект предусматривал возведение комплекса строений — мастерских, сараев для зимовки гребных судов, причалов. Был построен лазарет для экипажной роты.

П. И. Рикорд заботился о развитии огородничества и животноводства, выписывал из Москвы семена овощей и бесплатно раздавал их жителям. Чтобы стимулировать огородничество, устраивал выставки овощей и награждал лучших огородников подарками. Во многих селениях стали выращивать капусту, картофель, репу, морковь и другие овощи, а в Верхнекамчатске и огурцы. Московское общество сельского хозяйства избрало Рикорда членом-корреспондентом.

В октябре 1821 г. Рикорд организовал торжественное празднование в честь столетия «Морского устава», в котором приняли участия моряки нескольких судов, в том числе двух иностранных — португальского и с Сандвичевых (Гавайских) островов — и два русских шлюпа, совершавших кругосветное пла-

вание: «Открытие» и «Благонамеренный». Моряки этих кораблей по предложению П. И. Рикорда организовали сбор средств на памятник основателю Петропавловска Витусу Берингу.

В 1822 г. по представлению Рикорда Петропавловск возведен в ранг города, а Камчатка по реформе Сперанского от 22 июня 1822 г. под названием «Камчатское приморское управление» вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

Результаты деятельности Рикорда видны из следующего описания капитан-лейтенанта А. Лазарева, командира шлюпа «Ладога», совершавшего кругосветное плавание и побывавшего в Петропавловске в 1823 г.: «Разных родов картофель, репу, морковь, огурцы, часть капусты и даже салат мы имели до самого отбытия. Скотоводство, состоящее в одном рогатом скоте, также довольно значительно, в гавани нет обывателя, который бы не имел хотя одной коровы... 1-го октября... я имел удовольствие видеть полезный обряд, установленный П. И. Рикордом: все женщины по совершенствованию молебствия приносят богатства своих огородов в дом... начальника, который угощает всех по здешнему обыкновению чаем, осведомляется о произведениях и различает успехи хозяйства, нерадивых исправляет, объясняя какой вред происходит от лени, доказывает всю пользу, притекающую от трудолюбия, которое тут же и при всех награждается выдачею разных подарков, как-то платков и других нужных для дома вещей, сие ободрение приметно умножило количество огородных овощей в Камчатке.

Несмотря на малочисленность работников и трудность доставления леса... строение Петропавловской гавани приумножено; ныне казенных домов 9... всего же вообще... 116 разных строений.

...Трехгодичные труды духовного училища... утвердили начало просвещения... Ремесленная школа сообщением народу разных рукоделий, улучшив образ его жизни, извлекла из прежнего неведения о собственных выгодах» [13, с. 212—214].

Сам П. И. Рикорд писал о своей деятельности: «В сих попечениях о благе несчастных жителей Камчатки я нахожу все удовольствие, всю награду за то пожертвование, каковое делает европеец, переселяясь на край Северной Азии». Еще в первое свое пребывание на Камчатке в 1809—1814 гг. Рикорд написал замечательные слова о Камчатке: «Статься может, что сей край, прославленный в страннопримстве сопутниками бессмертного Кука и несчастного Лаперуза, со временем, по выгодному своему для коммерции географическому положению, сделается более известным соседственным азиатским народам и будет посещаем мореплавателями из отдаленных стран. Тогда, может быть, примерное бедствие наших соотечественников и чудесное избавление от оногo займет внимание просвещенного наблюдателя хода человеческих дел и несчастий» [15, с. 445].

Вот этому делу избавления соотечественников от бедствий он и служил на Камчатке, память о которой сохранил на всю жизнь. Свой загородный дом в Петербурге он назвал «Камчатка», там часто собирались его друзья — мореплаватели, бывавшие на полуострове. «Он говорил, — пишет один из них, — что если умрет в Петербурге, то завещает его сердце послать в Камчатку».

Незаурядность этого человека проявилась и в послекамчатский период его жизни. Он стал адмиралом, академиком Петербургской Академии наук, одним из основателей и первым вице-президентом Императорского Географического общества, членом многих научных обществ. В знак признания его заслуг в освобождении Греции от турецкого ига греческие патриоты приглашали его стать президентом Греции.

В ноябре 1822 г. Рикорда сменил капитан 2-го ранга Станицкий, оставшийся в этой должности до 28 сентября 1828 г., то есть почти шесть лет. Указом Николая I ему повелевалось «при управлении Камчаткою соблюдать правила флота капитана Рикорда и воздерживаться от всяких перемен». То есть, по мнению императора, Рикорд предусмотрел все нужды края, и его преемнику не требуется вводить никаких новшеств.

28 сентября 1828 г. должность начальника Камчатского приморского управления принял капитан 2-го ранга Голенищев, некогда бывший помощником у Рикорда. Ему удалось добиться разрешения на постройку еще трех больниц, кроме Мильковской и Тигильской, и на проведение ряда мер, облегчивших положение камчадалов.

Голенищев пробыл в должности начальника более семи лет. 11 октября 1835 г. его сменил заносчивый и строптивый офицер — капитан 1-го ранга Шахов. Но по многочисленным жалобам его сменили, а временно исполнять обязанности начальника назначили капитан-лейтенанта Шишмарева.

Через год, 7 октября 1840 г. последнего сменил капитан 2-го ранга Страннолюбский, который много сделал для развития на Камчатке огородничества и скотоводства. При нем поголовье скота достигло 1 564 голов, а лошадей — 289. Он ввел обязательную прививку оспы всем детям, организовал доставку строевого леса из долины р. Камчатки морем в Петропавловск, так как постройки из тополя и ветлы оказались недолговечными.

21 августа 1845 г. прибыл последний начальник Камчатского приморского управления — капитан 2-го ранга Машин. Он добился устройства в Петропавловске маяка с настоящим осветительным аппаратом, доставленным из Кронштадта. Раньше маяками служили большие костры. Машин получил разрешение построить школы для детей камчадалов в нескольких селениях, но смог построить ее лишь в Мильковском селении, где в 1847 г. обучались 23 мальчика от восьми до пятнадцати лет.

При Машине в августе 1849 г. Петропавловск посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. Он первым из иркутских губернато-

ров совершил такое дальнее путешествие, побывав в Охотске, Аяне и Петропавловске. В результате этой поездки было принято решение о переносе главного российского порта на Тихом океане из Охотска в Петропавловск.

Н. Н. Муравьев писал: «Камчатка представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения хлебопашества и скотоводства в такой степени, что и 10 000 человек служащих будут иметь местное продовольствие, а снабжение порта всеми потребностями будет продолжаться из Якутска без всяких новых расходов. Ижигинский округ может быть причислен к камчатскому управлению; но вместе с этими изменениями управление Камчаткой должно быть возвышено, и назначен туда военный губернатор из морских офицеров, подчиненный прямо генерал-губернатору, а не иркутскому губернатору, как ныне» [19, с. 105].

Это предложение Н. Н. Муравьева легло в основу указа Николая I от 2 декабря 1849 г.: «1) Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Ижигинского округа, состоящие в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью. 2) Управление этой области по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, которого и подчинить непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. 3) ...Находящийся же в Охотске окружной суд перевести в Камчатку» [13, с. 235].

15 февраля 1850 г. император Николай I назначил камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта капитана 1-го ранга В. С. Завойко, который по вступлении в должность был произведен в генерал-майоры, а потом переименован в контр-адмиралы.

В управление Камчатской областью В. С. Завойко вступил 5 августа 1850 г. В области имелись два округа: Петропавловский (в состав которого вошли Курильские острова) и Ижигинский. В селениях назначались волостные и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые старшины.

Штат области составляли: помощник губернатора, правитель канцелярии, два чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части, он же главный лекарь морского ведомства, и его помощник, землемер, горный чиновник и адъютант.

22 июня 1851 г. указом Николая I был утвержден герб Камчаткой области: в серебряном поле щита изображены три вулкана, щит увенчан золотой императорской короной.

Первые два года основная деятельность В. С. Завойко была связана со строительством для принятия перевозимой из Охотска военной команды. Были построены несколько казарм для солдат и флигелей для офицеров, склады для имущества, организована постройка судов в Петропавловске и в устье р. Камчатки. На Камчатку прибывали военные суда из Кронштдта

для крейсирования российского побережья на Тихом океане. В их числе летом 1854 г. пришел и фрегат «Аврора», сыгравший важнейшую роль в отражении англо-французского десанта в августе 1854 г.

В 1852 г. предпринималась попытка организации крупной экспедиции для исследования Камчатки, Чукотки, Курильских и Алеутских островов, но ее отменили из-за трудностей снабжения. В 1851 г. на Камчатку был командирован горный чиновник К. Дитмар, который пробыл здесь четыре года и составил геологическую карту. Он обнаружил месторождения серы, меди, пемзы, угля.

В 1853 г., закончив основные работы по укреплению Петропавловского порта, Завойко объехал практически все селения Петропавловского и Гижигинского округов, много сделал для облегчения жизни коренного населения. Он уделял внимание развитию огородничества, хлебопашества, скотоводства. Учредил ярмарочную торговлю пушниной под надзором чиновников, чтобы исключить обман торговцев при меновой торговле, обязал каждую семью выращивать до десяти пудов картофеля, обратил внимание на развитие ремесел, ввел копчение заготовленной рыбы вместо простого вяления и многое другое. В 1853 г. на Камчатку были переселены 25 семейств русских крестьян. В селениях открылись временные больницы, в которые посылались медики из Петропавловска. За два года они вылечили 560 больных.

Завойко основал в Петропавловске морское училище и вел переписку с Иркутском об открытии общеобразовательной школы.

Деятельность по обустройству жизни на полуострове была прервана нападением англо-французской эскадры в августе 1854 г. После успешного отражения этого нападения Завойко вновь начал укреплять порт. Но 3 марта 1855 г. прибыло распоряжение Н. Н. Муравьева о переводе всех гражданских и военных учреждений в Николаевск-на-Амуре. 6 апреля 1855 г. эскадра из шести судов вышла из Авачинской губы.

6. ПРИМОРСКО-КАМЧАТСКИЙ ПЕРИОД (1856—1917 гг.)

После эвакуации гарнизона и администрации в устье Амура развитие Камчатки замерло почти на полвека. Время до конца XIX в. принято называть «тихие годы».

31 октября 1856 г. Камчатскую область официально ликвидировали. Вместо нее был образован Петропавловский округ в составе вновь созданной Приморской области. Администрацию округа теперь составляли довольно часто менявшиеся исправник с помощником и офицер, заведовавший портом. После бурного развития порта в 1850—1854 гг. и ожидания больших перемен в жизни края наступило затишье.

Камчатка оказалась на периферии российской жизни и в связи с продажей Русской Америки и передачей Курильских островов Японии. С открыти-

ем Суэцкого канала начал быстро расти Владивостокский порт. С 1881 г. открылось регулярное пароходное сообщение Одесса — Владивосток. Власти уделяли много внимания освоению и заселению Приморья и Приамурья, там росли города, развивалась промышленность, а в 1890-е гг. началось строительство железных дорог.

Из событий второй половины XIX в. на Камчатке заслуживает внимания деятельность Бенедикта Дыбовского, работавшего в 1879—1883 гг. окружным врачом в Петропавловске. Он объездил весь полуостров как врач и много сделал для облегчения положения коренного населения. Дыбовский за свой счет купил у быстринских эвенов небольшое стадо оленей и доставил его на Командорские острова, где они размножились. Он изучал флору и фауну Камчатки, собрал богатую коллекцию предметов быта коренных жителей, сделал много ценных фотографий. После отъезда с Камчатки в 1883 г. он устроил выставки привезенных с Камчатки экспонатов в городах Европы, многие его коллекции и сейчас хранятся в ряде музеев.

В связи с началом строительства железных дорог на Дальнем Востоке правительство организовало ряд исследований природных богатств края. На Камчатке в 1895—1897 гг. работала Охотско-Камчатская горная экспедиция под руководством горного инженера К. И. Богдановича, проведшая комплексное исследование богатств Камчатки и перспектив его использования.

В 1896 г. на Камчатке зародилась рыбная промышленность. Но ее развитие шло очень медленно: оно тормозилось отсутствием свободных рабочих рук. В 1901 г. в Тарьинской бухте был построен первый рыбоконсервный завод. По переписи 1897 г. в Петропавловском округе проживало 8 365 чел. Местное население занималось своими промыслами, привлечь его к работе на рыбных промыслах было невозможно, там работали в основном японцы.

В мае 1897 г. в Петропавловске отмечалось двухсотлетие присоединения Камчатки к России. На торжество прибыл приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской. Но и после этого в жизни полуострова не произошло никаких перемен.

Перемены начались лишь после русско-японской войны 1904—1905 гг. Камчатку отделяли от японских владений лишь двенадцать километров Первого Курильского пролива. С 1880-х гг. японцы безнаказанно вели хищнический лов лосося в реках западного побережья полуострова. В период войны японцы высадили на Камчатке десятки вооруженных десантов с целью захвата беззащитной русской окраины — здесь не было ни одного солдата. Жители создали добровольные боевые дружины и отразили нападение врага.

После войны, в соответствии с Портсмутским мирным договором, Россия и Япония подписали в 1907 г. рыболовную конвенцию. По ней японцы получили право арендовать на равных правах с русско-подданными рыболовные участки на российском побережье. В устье каждой камчатской реч-

ки появились японские рыбалки, тысячи японских рабочих с весны и до поздней осени работали на неводах, заготавливали и вывозили на своих пароходах камчатскую рыбу. Появилась угроза мирной аннексии Японией Камчатки, так как летом японцев на Камчатке было больше, чем российских граждан. Это не могли не видеть и власти.

Одним из первых стал бить тревогу приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, посещавший Камчатку в начале 1890-х гг., будучи еще военным губернатором Приморской области. В марте 1908 г. он направил правительству секретный доклад «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края». Там, в частности, говорилось: «Для ограждения северных окраин, на первой очереди Камчатки, от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими... Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников... они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей. При таких условиях оставлять эту окраину в зависимости от удаленного Владивостока нельзя, и ее нужно выделить вместе с остальными северными уездами *в отдельную область с губернатором во главе*, обеспечив при этом областную администрацию как надежными средствами надзора, так равно и передвижения. Без этого неминуемо чрез относительно короткий промежуток времени японцы сделаются хозяевами Камчатки...

Вместе с тем необходимо связать наши северные округа телеграфом с центральными учреждениями края и прибегнуть к постройке беспроволочного телеграфа...» [14, с. 128].

Об этом же говорил 31 марта 1908 г. в Государственной Думе П. А. Столыпин: «На нашей далекой окраине — на Камчатке и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее» [14, с. 129].

Весной того же года на Камчатку отправился военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг. Кстати, Флуг еще в декабре 1906 г. первым поднял вопрос «о необходимости выделения северных уездов области в особую административную единицу с центром в Петропавловске». С этой целью он и прибыл на Камчатку в 1908 г.

Одновременно на Камчатке начали работу две экспедиции: переселенческая и Русского Географического общества, организованная на средства известного миллионера-мецената П. Ф. Рябушинского. Обе экспедиции имели сходную цель: определить возможности Камчатки в развитии экономики

и масштабы переселения. Экспедиции действовали в 1908—1910 гг. Экспедицию Географического общества организовал и должен был возглавить знаменитый географ Ю. М. Шокальский, но болезнь не позволила ему принять участие в ней. В экспедиции трудились многие известные ученые: ботаник В. Л. Комаров (в 1936—1945 гг. — президент Академии наук СССР), зоологи П. Ю. Шмидт и В. Л. Бианки, геологи С. А. Конради, Н. П. Келль, Е. В. Круг, этнограф В. И. Иохельсон и другие. Это была самая крупная комплексная экспедиция в истории Камчатки.

29 октября 1908 г. Министерство внутренних дел опубликовало проект «Об административном переустройстве Приморской области». 28 апреля 1909 г. Государственная Дума заслушала доклад комиссии по направлению законодательных предположений «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин». В докладе говорилось: «Речь идет собственно не об образовании Камчатской области, а об восстановлении некогда существовавшей особой административной единицы — Камчатской области... В настоящее время министр внутренних дел находит необходимым вновь восстановить Камчатскую область с губернским городом Петропавловском... В последнее время возникли такие чрезвычайные обстоятельства, что эта реформа представляется необходимой не только ради удобства управления... но ради соображений высшего порядка, высшего блага государства — незыблемости его границ, незыблемости его территории... Комиссия признала необходимым... предоставить камчатскому губернатору права управляющего госимуществами на территории области и омывающих ее водах... предоставить права попечителя учебного округа, права начальника почтово-телеграфного округа... право действовать в случаях чрезвычайных по своему усмотрению... Далее мы признаем необходимым устройство беспроволочного телеграфа между Николаевском и Петропавловском и далее до Чукотского полуострова... мы говорим о принятии санитарных мер и об устройстве медицинской помощи в Камчатской области...» [13, с. 263—265].

17 июля 1909 г. было опубликовано «Временное положение об управлении Камчатской областью», в котором говорилось: «1. Камчатская область состоит из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорских островов. 2. Камчатская область входит в состав Приамурского генерал-губернаторства... 3. Главное управление областью принадлежит приамурскому генерал-губернатору, а местное — губернатору. 4. Местопребывание губернатора есть г. Петропавловск. 5. При губернаторе по областному управлению состоят: вице-губернатор, врачебный инспектор (он же старший врач Петропавловской лечебницы), ветеринарный инспектор, областной инженер, чиновники особых поручений и канцелярия по штату...» [13, с. 265—266].

Первым камчатским губернатором П. Ф. Унтербергер предложил назначить начальника своей канцелярии сорокатрехлетнего Василия Власевича Перфильева, потомка известного землепроходца — основателя Братского острога Максима Перфильева. В. В. Перфильев вошел в историю Камчатки как один из самых энергичных ее руководителей, талантливый администратор, буквально на пустом месте создавший областные учреждения. Он был выпускником Харьковского университета, кандидатом физико-математических наук, позднее окончил курсы при Военно-медицинской академии, где получил звание «военного лекаря». В 1893 г. был направлен в Хабаровск, где прошел путь от рядового врача до начальника больницы. Унтербергер взял его в свою канцелярию, которую он вскоре возглавил.

22 июля 1909 г. Николай II назначил Перфильева, но не губернатором, а «исполняющим должность камчатского губернатора», видимо, потому, что Перфильев не был дворянином. Уже 16 августа Перфильев прибыл в Петропавловск. Здесь сразу же развернулось бурное строительство. С губернатором приехало много чиновников, которым требовались административные помещения и жилье. На строительстве трудились около трехсот китайцев и корейцев. В первый же год сумели сделать очень много. Двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное. Штат больницы пополнился фельдшерами и медсестрами.

В 1910 г. инженер И. С. Багинов построил радиостанцию. В жизни полуострова произошла настоящая революция. Теперь новости поступали в тот же день. А еще в 1904 г. весть о начавшейся войне с Японией пришла в Петропавловск только через три месяца. Началось строительство телеграфной линии на Большерецк и Тигиль, дороги на Большерецк, сооружались новые причалы, в городе появилось уличное освещение. В окрестностях Петропавловска создана сельхозферма, из Владивостока завезен племенной скот, заведено пчеловодство.

Прибывший в Петропавловск в 1910 г. П. Ф. Унтербергер остался доволен деятельностью В. В. Перфильева.

Перфильев побывал во многих селениях, организовал поездки известных врачей, сам, как врач, не отказывал в медицинской помощи и советах. Большую помощь Перфильеву в его деятельности оказывали помощники: вице-губернатор Евгений Федорович фон Бодунген и областной инженер Константин Антонович Заранек. В обязанности областного инженера входил надзор за строительством в Петропавловске, за казенными зданиями в северных уездах, производство дорожных работ. По проекту Заранека построены памятник «Часовня» на братской могиле, здание для театра. Горный инженер Сергей Дорозеевич Оводенко по поручению Перфильева занимался сбором сведений о полезных ископаемых. Итогом его работы стала публикация в 1913 г. исследования «Горные богатства Камчатской области».

В 1910 г. местная интеллигенция положила начало областному научно-промышленному музею, который разместился в здании канцелярии губернатора. Началось сооружение первой сейсмической станции.

В 1911 г. прибыл пароход «Адмирал Завойко», предназначенный для администрации Камчатской области. «Судно для плавания во льдах имело укрепленный нос и утолщенную обшивку в носовой части... две мачты со вспомогательной наружностью, три гребных шлюпки, один моторный катер, был установлен беспроволочный телеграф, а также артиллерийское снаряжение — две 57-миллиметровые пушки и два пулемета» [2, с. 186]. «Адмирал Завойко» вместе с канонерской лодкой «Манджур» и военным судном «Колыма» охранял побережья области, надзирал за рыбным, котиковым и бобровым промыслами.

Перфильеву пришлось все создавать с нуля. О том, что представлял собой Петропавловск до него, можно судить по словам приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского, посетившего город в мае 1897 г. по случаю 200-летия присоединения Камчатки к России. Он писал: «Теперешний Петропавловск — небольшая группа потемневших, со следами разрушения домов, ничтожное число, менее четырехсот жителей, живущих особою, до крайности суженною в своих интересах жизнью, — вот что осталось от областного центра и морского порта Петропавловска» [2, с. 170].

В годы правления Перфильева Петропавловск преобразился. В 1909—1912 гг. было построено двадцать два здания. Перфильев писал в своем отчете: «Из них под квартиры областных чинов всех ведомств занято двенадцать домов, под почтово-телеграфные учреждения — два дома, затем под канцелярию губернатора с музеем, под казначейство со сберкассой, под арестное помещение, больницу, под интернат для учащихся городского училища и под квартиры учителей» [2, с. 175].

Представление о том, что представляла собой Камчатская область при губернаторе Перфильеве, можно получить из первой напечатанной на полуострове в типографии М. М. Пономарева книги — «Обзор Камчатской области за 1912 г.». Вот выдержки из нее: «...ко времени составления настоящего обзора Камчатская область существует пятый год. Несмотря на это, обзора ее до настоящего времени не составлялось...

Область делится на шесть уездов... Уезды подчинены начальникам уездов, в Петропавловском и Охотском уездах именуются приставы, в первом уезде — три и во втором — один...

В городе Петропавловске имеется прокурор, два товарища прокурора, четыре участковых мировых судьи, они же исполняют и обязанности судебных следователей...

Во всей Камчатской области имеется лишь одно казначейство в городе Петропавловске, в прочих же уездах учреждение это заменяют кассы

специальных сборщиков, установленных в каждом уездном правлении, кроме Чукотского.

В гор. Петропавловске находится камчатская пешая жандармская команда, подчиненная в полицейском отношении камчатскому губернатору, а в строевом, хозяйственном и инспекторском отношениях — начальнику жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги...

Население. Численность населения Камчатской области на 1 января 1913 года определяется в 34 492 душ обоего пола... на одну квадратную версту в ней всего 0,03 человека. В Петропавловске 1 690 жителей, из них 595 женщин.

Общественное благоустройство. Города Камчатской области Петропавловск и Охотск общественного самоуправления не имеют и по своему благоустройству стоят очень низко. Более или менее имеет вид небольшого городка Петропавловск, в котором, благодаря заботам областной администрации, появилось керосино-калильное освещение улиц, телефон между казенными учреждениями и т. п. До этого же г. Петропавловск, а Охотск в настоящее время, ничем не отличаются по своему виду от селений области...

В 1912 г. главные порты области посетило следующее количество пароходов: гор. Петропавловск — 61.

Город Петропавловск и Гижига, и п. Ново-Мариинск Анадырского уезда сообщаются посредством беспроволочного телеграфа...

Медицинская часть. В г. Петропавловске врачей — 2, фельдшеров — 2, повивальных бабок — 1, сестер милосердия — 4...

Народное образование. В гор. Петропавловске одно городское четырехклассное учебное заведение... Кроме того, в отчетном году в г. Петропавловске были открыты педагогические двухгодичные курсы при городском училище...» [13, с. 272—274].

Интенсивная работа по управлению огромным краем подорвала здоровье В. В. Перфильева, и в апреле 1912 г. он подал прошение об отставке. В 1915 г. в возрасте сорока девяти лет он скончался в Подмоскowie в г. Солнечногорске.

18 июня 1912 г. был назначен новый губернатор — саратовский помещик, до того работавший вице-губернатором Приморской области, а до 1910 г. — вологодским губернатором — Николай Владимирович Мономахов. Ему пришлось продолжать многое из того, что было задумано и начато его предшественником. При Мономахове продолжалось строительство, развивалась рыбная промышленность, начала работу первая типография, стала выходить первая газета — «Камчатский листок», начались первые кинопоказы, было построено здание театра, где регулярно ставились любительские спектакли. В 1915 г. был достроен так называемый «Судейский городок» (ныне улица Красноармейская): здание Петропавловского окружного суда, квартиры служащих, арестная камера, квартиры для мировых судей.

Бурный рост города, имевший место при Перфильеве, прекратился, население даже сократилось. Можно сказать, что с началом в 1914 г. Первой мировой войны развитие города и области замерло. Об этом можно судить по донесению Мономахова приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондати от 13 июня 1915 г.:

«По последней переписи в Петропавловске насчитывается около 1 189 человек жителей, из коих до 400 чел. составляют китайцы, корейцы и японцы и 200 чел. чиновников с их семьями. Коренное население весьма незначительное, так как таковое с новым укладом жизни, появившимся благодаря образованию губернаторства, учреждению окружного суда и приливу нового элемента людей, постепенно оставляет г. Петропавловск и переселяется в ближайшие и дальние селения уезда. Занятия жителей составляет извозный промысел, торговля с уездом, рыболовство и ремесленный труд.

С апреля по ноябрь г. Петропавловск имеет пароходное сообщение с г. Владивостоком и побережьем уезда посредством субсидируемых правительством пароходов Добровольного флота, предоставленного в 1915 г. в распоряжение парохода, а также приходящих для охраны побережья от хищников военных судов...

В городе имеется казенная больница, четырехклассное высшее начальное училище, второклассная церковноприходская школа, окружный суд, мировой судья, местная пешая жандармская команда, часть камчатской казачьей команды и вольно-пожарное общество. Существует драматическое общество, владеющее казенным зданием...

Гостиниц в городе нет...

На местное уездное полицейское управление возложена обязанность и городской полиции. Функции нижних чинов полиции выполняют городовые казаки камчатской местной команды, работа коих малопродуктивная...

Зданий в городе до двухсот, исключительно деревянных, улицы не замощены, тротуары из досок устроены только на главной улице. Освещается город довольно хорошо Галкинскими фонарями, извозчиков в городе нет» [13, с. 282—283].

Так что по сравнению с 1912 г. в городе и области мало что изменилось. В таком состоянии Камчатская область встретила 1917 г. В ноябре 1916 г. губернатор Мономахов выехал «с последним пароходом в разрешенный министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Пароход Добровольного флота “Индибирка”, как мы слышали, уходит из Петропавловска во Владивосток 20 ноября. Завтра в собрании драматического Общества в семь часов вечера устраивается обед по случаю отъезда в отпуск Его Превосходительства Камчатского губернатора» [24].

Область возглавил вице-губернатор статский советник А. Г. Чаплинский. После Февральской революции он был смещен, а руководство территорией

перешло к выборному Областному комитету. «Во вторник 4 июля ушел из Петропавловска во Владивосток пароход Добровольного флота “Тверь”, на котором выехал в действующую армию бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. С пароходом “Тверь” выехал бывший областной инженер И. С. Багинов» [25].

Началось «смутное время», когда власть до окончания гражданской войны на Дальнем Востоке менялась неоднократно, и развитие области вновь остановилось.

Тем не менее, восстановление Камчатской области и деятельность первых губернаторов оказали положительное влияние на развитие края. Был прерван длительный период застоя во всех сферах жизни. Петропавловск стал центром огромной территории площадью 1 млн 360 тыс. кв. км, что почти втрое больше современного Камчатского края. Перед Камчаткой открывались большие перспективы, она медленно поднималась из первобытного состояния. Появилась рыбная промышленность, развивался порт и морское транспортное обслуживание побережья Северо-Востока. Возникли первые признаки культурной жизни и технического прогресса.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.
2. *Витер И. В.* Петропавловск: начало века // Краеведческие записки. — Вып. 8. — Петропавловск-Камчатский, 1993.
3. *Головнин В. М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807—1811 гг. — М., 1961.
4. Губернии Российской Империи. 1708—1917. — М., 2003.
5. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Т. 2—3. — Л., 1968.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
8. *Крузенитерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.
9. *Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819—1822 гг. — М., 1950.
10. *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели. — Хабаровск, 1899.
11. *Орызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатского края (конец XVII — начало XX вв.). — Л., 1973.
12. *Окунь С. Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. — Л., 1935.
13. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

14. *Полевой Б. П.* Десять лет перед революцией. Из истории города Петропавловска-Камчатского // Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1991.
15. *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда // Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключении его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. — Хабаровск, 1972.
16. *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край (пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции). — Якутск, 1958.
17. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII—XIX вв. — М., 1972.
18. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005.
19. Там же. Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006.
20. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: В 2-х томах. — СПб., 1900.
21. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. — СПб., 1906.
22. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1984.
23. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1989.
24. Камчатский листок. — 1916. — 16 нояб.
25. Там же. 1917. — 7 июля.